Ольга Шевчук

Жди меня

Ольга Викторовна Шевчук
Жди меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34117086
Жди меня:
ISBN 978-5-00095-236-8

Аннотация

В новом романе Ольги Шевчук прошлое гармонично переплетено с настоящим. Герои влюбляются и расстаются, помнят обиды и живут иллюзиями, задумываются о нравственных и семейных ценностях и о том, что происходит в стране, о своём месте в её жизни. Человек далёк от идеала, и подчас ищет для себя лучшую долю, совершая неблаговидные поступки. И кто-то впоследствии сожалеет об этом, испытывая муки совести, а кто-то, напротив, старается свалить свою вину на других людей. В подобных ситуациях и проявляется глубинная сущность каждого из нас.

Особый упор в книге сделан на реалии сегодняшнего дня, несущие тревогу за будущее молодых людей, которых заманивают через социальные сети в различные террористические организации специально подготовленные «наставники». Какие методы могут использовать ловцы неопытных душ и как противостоять этому злу – рассказывается на станицах романа.

Содержание

Глава 1. При чём здесь Австралия? 5
Глава 2. Нина Сергеевна не дремлет 18
Глава 3. Вот бы снять квартиру! 32
Глава 4. Не так-то легко получить Сочи 40
Глава 5. Семейный ужин 50
Глава 6. Бывает же такое! 58
Глава 7. Сестра Рита 64
Глава 8. Давние метания Глеба Романовича 74
Глава 9. Записка 85
Глава 10. Вторая семья 96
Глава 11. Избранник дочери 107
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Ольга Шевчук
Жди меня

Посвящаю моему сыну – Олегу Олеговичу Шевчуку

У брака и любви различные стремленья:
Брак ищет выгоды,
Любовь – расположенья.
Пьер Корнель

Деяния, совершённые в прошлом, могут внезапно напомнить о себе в настоящем, заставив испытывать муки совести.

© Шевчук О.В., 2017
© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Глава 1. При чём здесь Австралия?

Жизнь непредсказуема! И однажды в квартире Киры Борисовны раздался телефонный звонок, которого она совсем не ожидала.

– Добрый день! Могу ли я поговорить с госпожой Снегирёвой?

Приятный молодой баритон был ей незнаком.

«Только бы с Вадиком ничего не случилось!» – пронзила тревожная мысль, ведь сын за рулём, а молодежь, как известно, не прочь полихачить, особенно друг перед другом. «Или… что-то с мамой?» За восемьдесят – возраст пороговый, малейшая задержка с помощью может привести к беде… О муже не беспокоилась – Глеб сидел за компьютером в соседней комнате.

Поколебавшись, она ответила:

– Это я.

– Кира Борисовна? – зазвенел радостно голос. – Меня зовут Павел Громов. Вам, наверное, знакома телепередача «Жди меня»? Вы её смотрите?

– Разве что иногда…

– А как насчёт того, чтобы принять в ней участие?

– Ну… не знаю. Это так неожиданно… Кроме того, я никого не ищу… Послушайте, – вдруг ужалило сомнение, и нервный жар обжёг щёки. – Зачем вы меня разыгрываете?!

– Никаких розыгрышей, Кира Борисовна, – поспешили её успокоить. – Всё очень серьёзно. Мы готовим очередной выпуск телепередачи и приглашаем вас в Москву, к нам в студию, 15 октября, то есть ровно через две недели. Мне поручено также сообщить вам о сюрпризе – вас ждёт встреча с человеком, которая может изменить всю вашу жизнь! Он проживает в Австралии!

«При чём здесь Австралия? – подумала она. – Какое отношение имеет ко мне эта страна?»

– И этот человек… ваш отец! – торжественно объявил Громов.

– Хватит морочить мне голову! – вспыхнула Снегирёва, собираясь покончить с пустым разговором. – О каком отце вы говорите?! Мой папа умер несколько лет назад!

– Мои соболезнования, – ничуть не смутились на другом конце провода. – Но боюсь, что у вас неверные сведения. Повторяю ещё раз. К нам в редакцию обратился некий господин Волков, владелец страусиной фермы в Австралии. Он уже семь месяцев разыскивает вас.

– Я не знаю никакого Волкова! И в Австралии никогда не была! У меня там никого нет, да и быть не может!

– Ошибаетесь, Кира Борисовна. Скажите, ваша девичья фамилия Кришевская? Вы родились в Днепропетровске, потом переехали в Кустанай, а затем в Сочи?

– Откуда вы всё это знаете?!

– Со слов Волкова. Если человек хочет кого-то разыскать

через нас, он обязан сообщить всю известную ему информацию. Что касается вас, то господин Волков безошибочно указал нам не только дату вашего рождения, но и три точных адреса вашего прежнего проживания, то есть все сведения, которыми он располагал. Ваш последний адрес, а именно тот, где вы сейчас находитесь, нам было нетрудно узнать уже самим, сделав соответствующий запрос в паспортную службу. Вы меня слышите, Кира Борисовна?

– Да.

– Так вот. Господин Волков утверждает, что он приходится вам родным отцом и что этот факт от вас, по-видимому, скрыла ваша мама, ныне, наверное, уже покойная.

– Мама жива!

– Что вы говорите?! Нина Сергеевна жива?! И слава богу! Есть повод обрадовать австралийского фермера! И где она сейчас? Рядом с вами?

– Нет, у неё отдельная квартира.

– Но тоже в Сочи?

– Да.

– Блестяще! Я и не рассчитывал на такую удачу! – Громов повеселел. – И вы можете дать её номер телефона?

Кира Борисовна хотела продиктовать на память нужные цифры, но внезапно передумала.

– Нет, вы знаете, маме это не понравится. Извините. К тому же, как я понимаю, для вас не существует никаких преград? Смогли же вы разыскать меня? Значит, и мамин теле-

фон легко найдёте.

– Конечно, найдём! Не вопрос! Мы немедленно свяжемся с вашей мамой и пригласим её также участвовать в предстоящей телепередаче! – с неменьшим воодушевлением продолжал Громов. – Члены семьи должны найти друг друга и, наконец, воссоединиться! Так вы приедете в Москву? Что сообщить Волкову?

– Лучше поговорите с мамой! Лично я о нём первый раз слышу, и никаких поездок не планирую.

– Тем не менее, если надумаете приехать, непременно свяжитесь с нами. В Интернете вы сможете найти все наши данные.

– Спасибо.

Она положила трубку городского телефона и некоторое время молча стояла возле него в полном недоумении, совершенно сбитая с толку. «Какой ещё Волков? Какая Австралия?

Здесь явная ошибка! Но тогда откуда у этого Волкова так много сведений обо мне?..» Первой мыслью было рассказать о звонке Глебу, и она заглянула к нему в комнату. Глеб общался по скайпу с товарищем, на мгновение перевёл взгляд на неё и нетерпеливо махнул рукой: дескать, я занят, позже поговорим. Если хочешь навестить маму – сейчас это будет в самый раз.

Она вернулась на кухню, принялась собираться в поездку. Поставила в сумку термос с горячим бульоном; ещё не

остывшие, аккуратно уложенные в миску пирожки с куриным фаршем. Добавила и сладкие – с яблоками. По дороге она ещё забежит в магазин, купит ряженку, как просила мама, и овощей. Поговорить бы по мобильнику с сыном, поделиться с ним неожиданной новостью, послушать, что скажет в ответ – да Вадик не любит, когда его беспокоят в рабочее время. Значит, надо рассказать матери о звонке и попытаться выяснить у неё, что это за история с Австралией, которую придумали телевизионщики.

Именно попытаться, потому что мама была на редкость скрытной женщиной, лишнего слова из неё клещами не вытянешь. Неудивительно – многолетняя работа в системе МВД, в паспортном столе, наложила отпечаток на её характер. До сих пор вспоминает, как уже в послевоенное время людей проверяли – и тех, кто воевал в партизанских отрядах, и тех, кого освободили из фашистских концлагерей, и особенно тех, кто жил на оккупированной немцами территории… Бдительные органы искали врагов и зачастую находили, даже через много лет.

Кира Борисовна сняла с вешалки свой серый пиджачок, чтобы его надеть, но вдруг остановилась, вспомнив одну давнюю фотографию. Бросив пиджак на стул, вернулась в комнату, достала из комода альбом с фотографиями, полистала. Снимок лежал на своём законном месте, аккуратно вставленный в прорези серо-синей картонной страницы. Две молодые семейные пары. Мама и её подруга Лида, обе краси-

вые, особенно мама, и обе с мужьями. На маме и тёте Лиде сшитые у хорошего мастера платья с широкими ватными плечами, по моде конца сороковых годов, и кружевными воротниками. Волосы ниспадали до плеч, а передние пряди были уложены и приподняты с помощью заколок. Мужчины – папа и дядя Женя – в лётной военной форме. Они были неразлучными друзьями, летали вместе, одним экипажем, и на фронте, и после победы над Германией, папа – командиром, дядя Женя – штурманом.

Когда Кира была маленькой девочкой, она часто спрашивала у мамы, завидев в небе белый шлейф, тянущийся за советским истребителем:

– Это мой папа летит? Правда, мама? – и показывала пальчиком в вышину небес, где расширялся и таял оставляемый самолётом след.

– Конечно, дочка, ведь твой папа военный лётчик.

Однажды, ещё в детстве, Кира спросила мать, почему на этой фотографии у неё такой недовольный вид. Мама сдвинула сердито брови, как она всегда это делала, если ей что-то не нравилось, и выплеснула в сердцах:

– Если бы я знала, что Женька женится на Лиде, никогда бы их не познакомила!

– А что, тётя Лида такая плохая? – недоумевала Кира, не понимая, почему мама не одобряет выбор дяди Жени.

– Ты ещё слишком мала, чтобы об этом рассуждать!

Судя по голосу, было ясно, что мать злится и на дядю Же-

ню, и на свою подругу Лиду, и больше не хочет отвечать ни на какие вопросы.

Кира Борисовна осторожно вынула фотографию, чтобы посмотреть, в каком году был сделан снимок, и обнаружила надпись, старательно выведенную маминой рукой:

> *«Я с Борисом Кришевским и Евгений Волков с Лидой. Май 1950 года».*

«Вот это да! – несколько мгновений она ошеломлённо смотрела на фотографию. – Выходит, дядя Женя и есть тот самый Волков?!»

Смутные догадки начали копошиться в её душе… Эту фамилию мать никогда не произносила вслух, о штурмане своего мужа говорила пренебрежительно – просто Женька или, подчёркнуто официально, скривив при этом губы, – Евгений.

И Кире Борисовне вдруг вспомнился уже забытый эпизод из раннего детства, погребённый под ворохом других воспоминаний – связанных с событиями давно минувших лет и впечатлениями, которые они оставили.

В тот день мама забрала её необычно рано из детского садика и сказала, что их ждёт папа, и нужно торопиться, поскольку у него мало времени на эту встречу. Кира понеслась во весь дух, ведь с папой они не виделись целый год, а может, и больше, потому что, как говорила мама, он отправился на новое место службы в отдалённую лётную часть, расположенную где-то в Сибири. А мама не захотела с ним ехать, ре-

шила остаться в городе Днепропетровске, где они тогда жили. Как ни старалась бежать четырёхлетняя Кира в неудобных ботах, которые были ей велики и болтались на ногах, мама была гораздо быстрее, и девочка едва за ней поспевала.

И вот они на рынке. Мама вела её за собой, крепко держа за руку, мимо влажных после дождя деревянных прилавков, скудно заставленных бутылками с домашним подсолнечным маслом и банками с мёдом. Прямо на земле стояли мешки с орехами – грецкими и миндалём, ящики с яблоками и грушами, пустые корзины, мелкие и покрупнее, сделанные мастерами народного промысла на продажу. Владельцы товара наперебой зазывали покупателей, и Кириной маме пришлось пробираться сквозь толпы снующего по торговым рядам народа. Кого здесь только не было – калек на клюках и с костылями, мужчин в военной форме, цыганок в ярких шалях и цветастых нарядах, старух с авоськами. Пожилой мужчина в фуфайке, подпоясанной армейским ремнём с выпуклой звездой на бляхе, играл на гармошке «Катюшу». Он пристроился в стороне от всех, чтобы можно было вольготно растягивать меха гармони, но в людном месте. Кира несколько раз оглянулась, заметив, как он провожает долгим взором её маму. Впрочем, не только он смотрел на Нину Сергеевну: она была красивой, выделялась своей яркой внешностью, а на таких женщин всегда обращают внимание. Иногда народу вокруг становилось так много, что Кира с трудом протискивалась вслед за матерью сквозь толпу, ойкала и ахала, опасаясь быть

раздавленной. Но мама была начеку.

– Осторожнее, граждане! Не толкайтесь! Здесь дети! – выкрикивала она, едва лишь возникала опасность давки.

И люди почтительно расступались перед ней. Постепенно продвигаться в человеческом потоке стало легче, поскольку рыночные прилавки не могли тянуться до бесконечности, и вскоре мать вывела Киру к киоскам и лоткам, где продавались хлеб и мучные изделия, соль, консервы, а также папиросы и спички.

– Скажи ему: «Папа», и обязательно поцелуй, – наставляла она дочь. – Обещаешь, что так сделаешь?

– Обещаю! – весело щебетала в ответ Кира, не совсем понимая, зачем её об этом просят. Она давно не видела отца, наверное, целую вечность, и ужасно по нему соскучилась! Даже плакала однажды ночью оттого, что он почему-то всё не приезжает и не приезжает к своей доченьке!

Он стоял спиной к ним, лицом к витрине, где продавались свежие булочки с заварным кремом. Меховая шапка с кокардой, тёмная шинель – наверное, там, где он служил, была уже зима, и лететь нужно было в зимней форме одежды. Кира приготовилась крикнуть: «Папа!», но тут он, увидев их отражение в стекле, повернулся, и она остановилась как вкопанная, вытаращив глазёнки.

– Ну, чего встала? – подтолкнула её в спину мама. – Беги скорее к папе!

Кира не сдвинулась с места.

– Иди же! – настаивала мать.

– Это не мой папа! – выкрикнула Кира, собираясь разреветься от обиды. – Это дядя Женя!

– А я говорю: папа!

– Нет! Не папа!

– Сейчас же иди к папе!

– Не пойду! Это не он! – и она спряталась за материнской юбкой.

– Вот видишь, дорогая? Устами младенца глаголет истина! – усмехнулся штурман и, помахав им рукой, пошёл от них прочь, ни разу не оглянувшись.

А мать всю дорогу к дому с угрозой нашёптывала ей:

– Я тебе покажу «Не папа!» Ты у меня ещё получишь! – и давала подзатыльники.

Кира орала на всю улицу, захлёбываясь слезами отчаяния и страха перед грядущим большим наказанием.

– Замолчи сейчас же! Кому говорю?! – повышала голос мать, потому что на них оборачивались прохожие. – Ну, погоди! Вот только придём домой…

А девочка не понимала, почему мама сердится, ведь папа – это Борис Кришевский! При чём тут дядя Женя?! За что её ругают?!

Через несколько дней, отревевшись и успокоившись, Кира спросила у мамы, скоро ли к ним приедет папа.

– Не будет у тебя теперь никакого папы! – отрезала мать. – Сама виновата! – и дочь, насупившись, побрела в уголок

комнаты, к своим незатейливым игрушкам, считая себя виновницей неудавшейся жизни – и своей, и матери.

Но папа всё-таки приехал. Пришёл к ней прямо в детский сад. Сгрёб в охапку, подбросил, прижал к себе и долго целовал её в лоб, волосы, щёки.

– Кирочка! Доченька моя! Да что ж это ты такая худенькая, прямо светишься вся? И чулки на тебе рваные, незаштопанные, и платье старое, ты из него уже давно выросла… Мать что, совсем за тобой не смотрит? Отдала тебя в продлёнку? Давай я помогу тебе одеться, пойдём домой, поговорим с матерью…

Он вложил ей в ручонки плитку шоколада – из своего пайка – и повёл домой. Крохотная комнатка в коммунальной квартире, когда-то выделенная ему от лётной части, и считалась Кириным домом. Здесь она жила с мамой.

В те годы на Украине, впрочем, как и везде в европейской части СССР, было невероятно трудно с жилой площадью. На улицах городов люди всё ещё разгребали завалы, оставшиеся после фашистских бомбёжек, на ударных стройках рабочие ремонтировали то, что хоть как-то сохранилось и подлежало восстановлению, усиленными темпами возводилось и новое жильё, к строительству которого привлекались заключённые. Страна залечивала раны, как истерзанный в неравной схватке зверь, который победил, но с большим трудом и огромными потерями. И шкура у него местами ободрана, и лапы перебиты, и кровью едва не истёк, но он пьёт целебную

воду источника, жуёт спасительные травы, и раны понемногу затягиваются, он набирается сил, чтобы суметь противостоять врагам. Не так быстро, как хотелось бы, но всё же идёт на поправку, поскольку понимает: в любом лесу есть хищники, и нельзя стать их жертвой.

И всё-таки это было необыкновенное, упоительное время – время Победы и Большого Созидания! Славой и величием страны, разбившей «Третий Рейх», гордились все – от мала до велика. Повсюду звучали патриотические песни, люди были на подъёме. Фронтовиков уважали, на них хотели быть похожими. Мальчишки и девчонки восхищались отвагой пионеров-героев и мечтали тоже громить фашистов.

Мама пришла с работы не скоро, но папа её дождался. Киру отправили погулять на улицу, чтобы она не слышала разговора взрослых. Девочка закрыла за собой дверь, но во двор не пошла, а села на ступеньках лестницы, подпёрла ладошками вялые щёчки и подбородок. «Опять будут ругаться», – с грустью подумала она, уже наученная горьким опытом. Иногда родители так кричали друг на друга, что обрывки фраз взрывали воздух и летали от комнаты к комнате, от одной двери к другой, как заблудившиеся птицы, отыскивая путь на улицу.

– И сын тебе был не нужен! И дочь спихнула! – шумел отец. – За Кирой не смотришь! У тебя на уме только твоя работа. В общем, так, Нина. Готовь вещи, я забираю вас с собой. Если нет нормальной матери, так пусть у Киры будет

хоть нормальный отец!

Но у Кириной мамы были другие планы.

– Командуй у себя в части! – охладила она бывшего мужа ледяными глыбами слов. – Я с Кирой уезжаю в Кустанай. Там рядом и бабушка, и моя сестра Валя. Они нам помогут. В Кустанае мне обещали и должность хорошую, и даже отдельную квартиру. Со дня на день я жду официальный вызов. А в твоём военном городке, у чёрта на куличках, мне делать нечего.

Как сказала мама, так в дальнейшем и вышло. Лётчик-орденоносец, на счету которого было немало боевых вылетов и удачно завершённых воздушных боёв, не смог сладить с женой. В очередной раз расстались, разъехались в поисках лучшей жизни. И пришлось Кире большую часть времени проводить либо в детском саду, а затем школе, либо у бабушки с тёткой, у которых был свой дом с огородом и плодоносящими яблонями. В бабушкином деревенском доме в небольшом посёлке под Кустанаем ей было не так одиноко, как в маминой городской квартире, – здесь она росла на пару со своей двоюродной сестрой Ритой.

Это продолжалось вплоть до нового переезда – на этот раз в Сочи, где Нине Сергеевне предложили повышение по службе и со временем обещали дать отдельное жильё. И упустить шанс, который выпадает раз в жизни, Нина Сергеевна не собиралась. Кира тогда уже оканчивала десятый класс школы.

Глава 2. Нина Сергеевна не дремлет

С тяжёлыми сумками в руках Кира Борисовна с трудом забралась по ступенькам в автобус. Нет, не задыхалась. Побаливала нога, по щиколотку оплетённая багровой сеткой вен, что выглядело как ожог или огромное родимое пятно. Болезнь сосудов день ото дня прогрессировала, но собой заниматься Снегирёвой было некогда – на ней семья и престарелая мать. Из-за матери пришлось и на пенсию уйти, хотя могла бы трудиться на благо страны ещё с добрый десяток лет и высоко ценилась как специалист. Если бы мама жила с ними – можно было бы и не бросать работу. Уговаривала маму переехать к ним, ведь площадь вполне позволяет, но та не согласилась. Хочет жить одна. И обменять квартиру на другую, поближе к дочери, тоже отказалась. «Мне уже недолго осталось куковать на белом свете, – выдвигала основной аргумент. – Вот умру – делайте, что хотите. Меняйте квартиру, продавайте – мне уже будет всё равно».

Кира Борисовна поискала глазами свободное место в салоне автобуса, но нет, всё занято. И не только пожилыми людьми, уставшими от жизни, но и молодёжью.

– Слушай, парень, – услышала она трескучий голос: дед в чёрном болоньевом плаще обратился к подростку, который

развалился на сиденье и щелкал кнопочками мобильника, изображая крайнюю занятость. – Ты бы уступил место женщине, вон она, с сумками стоит, – и показал глазами на неё.

Подросток сделал вид, что не слышит, продолжая терзать свой телефон.

– Я тебе говорю, – возмутился старик.

– Кого вы просите! – фыркнул лысый мужчина в потёртой кожанке, сосед старика. – Это же дегенераты! Они место принципиально не уступят – воспитаны на убеждении, что люди советского поколения не так жили, не за то боролись, и вообще привели страну к краху. А значит, и уважения не заслуживают. А что строили, воевали, свои жизни не щадили, чтобы они родились – это не считается. Это нам в заслугу не ставят. А сами они что могут? Только кнопочками щёлкать?

– Ага! Только кнопочками! – поддакнула ему старушка в платочке горошком, сползшем к спине. – Ни ума, ни образования у них нет! Зато научились кричать о своих правах! А то, что за любыми правами должны следовать обязанности, они даже и не слышали.

– А если и слышали, то пропустили мимо ушей! – оживилась женщина с накрашенными, как у Мэрилин Монро, губами. От неё пахло дорогими духами. – И не знают, что каждый человек должен отвечать за свои поступки! Перед обществом, перед страной, перед поколениями предков, отстоявших для них право на жизнь. Да и перед потомками тоже!

Автобус сделал резкий поворот, накренившись набок, и

Снегирёву бросило на мужчину в кожанке. Но устояла, и его с ног не сбила.

– Простите, пожалуйста! – смутилась она, с трудом удерживая равновесие.

– Ничего, бывает, – кивнул мужчина.

Тем временем страсти в толпе накалялись.

– Думать для них – слишком сложное занятие, – продолжал ругать молодое поколение старик в плаще. – Не привыкли они шевелить мозгами! Спроси у него, кто такой Пушкин – полезет в Интернет, чтобы посмотреть.

– Хуже того, им не объяснили, что свобода – это вовсе не вседозволенность и хамское поведение. А они свободу только так и понимают! Дескать, я свободен, а значит, что хочу, то и делаю. И пошли вы все со своими нравоучениями.

Подросток, из-за которого вес сыр-бор начался, и ухом не повёл на эти слова, увлечённый какой-то электронной игрой. Судя по физиономии, ему нравилось его собственное независимое поведение. Пусть шумят, языками чешут. Как говорится, а Васька слушает, да ест.

Женщина с губами Мэрилин Монро хотела продолжить гневный крик, но её перебил мужчина в кожанке:

– И всё это благодаря тому, что в годы перестройки в школы забросили новые учебники, спонсированные американцем Соросом. А это был и есть первый враг России. И СМИ какое-то время тоже были под его контролем. И началась масштабная промывка мозгов! Нас стали поливать грязью!

Занижать и осмеивать наши успехи! Мол, даже войну с фашистами выиграли не мы, а американцы!

Пассажиры автобуса разошлись не на шутку. Люди, получившие советское образование, которое справедливо считалось лучшим в мире, не хотели мириться с тем, что могло прийти им на смену…

– Вот только не надо всех огульно охаивать! – вступил в разговор доселе молчавший молодой человек, аккуратно подстриженный и в опрятной одежде. – Есть среди молодёжи и нормальные ребята, которые и учатся, и работают, и ценят завоевания своих отцов и дедов. И даже в акции «Бессмертный полк» принимают участие. Да и правительство, наконец, стало возрождать былую мощь России. Разве не так?

– Так-то оно так, – согласился с ним старик в болоньевом плаще, – но мы сейчас говорим о тех, у кого мозги засорены всяким мусором. И кого надо воспитывать, а точнее, перевоспитывать, чтобы стали людьми, а не быдлом.

Кира Борисовна молча слушала словесную перепалку и думала о своём Вадике. Он родился в начале девяностых, когда грянула перестройка, и спасибо Глебу – тот всё сделал для того, чтобы она могла заниматься сыном. Может, потому, что целых семнадцать лет им пришлось ждать, когда, наконец, случится зачатье и родится ребёнок, они отдавали Вадику все свои силы, ни на миг не отдаляясь от него, не закрываясь, как щитом, собственными проблемами. Считали, что главное в воспитании ребёнка – дать ему правиль-

ные жизненные установки. И в итоге не позволили смутному времени разъесть вредоносной гнилью ещё неокрепшую детскую душу.

В конце концов пассажиры дружно допекли подростка. Он вдруг соскочил с сиденья, отключив мобильник, и недоумённо закрутил головой в отчаянной попытке разглядеть что-то за окнами автобуса. Кире Борисовне уже пора было выходить, и она направилась к выходу. Освободившееся место занял дед в плаще, довольный тем, что воспитательная работа не прошла даром. И вдруг этот паренёк протянул ему табличку, на которой печатными буквами было написано: «Извините, я глухой. Мне нужна остановка “Улица Есауленко”. Подскажите, пожалуйста, когда выходить». Старик ошеломлённо смотрел то табличку, то на подростка, рядом стоящие люди начали тянуть шеи, чтобы тоже прочитать текст.

– Да он глухой! – произнёс кто-то вслух. И все, кто до этого костерил подрастающую молодёжь, почувствовали себя неловко. А подросток виновато хлопал глазами – заигрался, ничего не видел, а слышать просто не мог. И стало понятно, почему он не реагировал на колючие слова. Старик вернул ему табличку и кивнул, обещая сообщить, когда будет нужная остановка.

Кира Борисовна сошла со ступенек автобуса, вдохнула полной грудью воздух, прочищая лёгкие – в автобусе жутко пахло бензином, пылью и человеческим потом – и направилась по неровной, с трещинами и выбоинами, асфальтовой

дорожке к приземистому дому матери. Развесистые акации и джида с густыми ветвями, усыпанными колючками и мелкой жемчужной листвой, среди которой прятались серебристые плоды размером с кедровый орешек, отбрасывали на дорожку косматые тени. Аллею обдувал свежий ветерок, и идти было нежарко.

Мать поселилась здесь, на Донской улице, по соседству с промышленной зоной и вдали от моря, много лет назад, когда ещё служила в паспортном столе. В ту пору хрущёвские пятиэтажки имели небывалую популярность и росли по всей стране, как грибы, в том числе и в Сочи. Но теперь они обветшали, и старое жильё постепенно стали сносить, вырывать с корнем, как испорченные зубы, и заменять новыми, красивыми и прочными. Вокруг новостроек сажали деревья и декоративные кустарники, разбивали цветники и фонтаны. Микрорайон менял свой облик, хорошея на глазах.

Возле подъезда, где жила Нина Сергеевна, сидела на лавочке её соседка – тётя Катя, морщинистая женщина лет семидесяти пяти, в длинной шерстяной кофте кирпичного цвета, которую ей когда-то связала на машинке Кира. Завидев гостью, смущённо улыбнулась и поднялась ей навстречу.

– Добрый день, тётя Катя! – поздоровалась Снегирёва.

– Добрый, милая, добрый! – соседка поспешила за ней в подъезд: судя по всему, хотела поделиться важной новостью. – Ох, Кирочка… Если бы вы только видели… – сходу приступила она к объяснениям. – Ваша мама вчера здесь

такое устроила! Санэпидстанцию вызвала! – и, понизив голос до шёпота, перешла к подробностям: – Заявила во всеуслышание, что её хотят отравить – дескать, везде в квартире понасыпали яду. Работники брали пробы из каждого угла, проверяли, нет ли чего. Под плинтусами даже смотрели. Меня привлекли в свидетели – ничего не нашли. Так она как раскричится – мол, вы все здесь подкупленные, я на вас жаловаться буду! Еле успокоилась. Но пообещала, что это дело так не оставит.

«А мне запретила вчера приезжать, – сопоставила факты Кира. – Сослалась на то, что мол, жаль ей меня без конца дёргать, хочет, чтобы я хоть денёк от неё отдохнула…»

– А кто, по её словам, отраву подсыпал? Говорила?

Тётя Катя помялась, затеребила иссушенными руками края кофты.

– Кажется, кого-то из вас подозревает… Особенно Глеба. – И встрепенулась: – Но я-то вижу, как вы за ней ухаживаете! Полные сумки продуктов носите! Весь холодильник едой забит! Я как-то попробовала ваши блины – ну это просто объеденье! – и добавила, осуждающе покачав головой: – Всем бы иметь таких дочерей!

«Теперь понятно, почему мама ничего не ест из того, что я ей готовлю!» – поразилась Кира неожиданному открытию. Раньше она только диву давалась: пища пропадает, а мать к ней и не притрагивается, просит принести из магазина ряженку да свежий хлебушек. Вот тебе и разгадка…

– Вы только Глебу ничего не говорите, – попросила она соседку. – Пожалуйста! И без того бурчит, что тёща уже совсем чокнулась…

– Не скажу, милая, не скажу.

В панельной «хрущёвке» лифта не было, и пришлось подниматься пешком, со всеми сумками, по бетонным ступенькам на четвёртый этаж. Мать не сразу открыла дверь, а предварительно заглянула в глазок, чтобы убедиться, кто пришёл. Встретила, как обычно, упрёками. Обрушила их в лицо, как шквалистый ветер сорванную листву, едва дочь переступила порог квартиры.

– Зачем ты разговаривала с незнакомыми людьми? Зачем сказала им, что я ещё жива? Сколько лет прошло! Сколько трудностей выпало на нашу долю! И вдруг на тебе – объявляется какой-то проходимец из Австралии!

От волнения Нине Сергеевне сделалось жарко, и она расстегнула верхнюю пуговицу байкового халата с цветочным рисунком, помахалась косынкой, чтобы согнать со лба испарину.

– Ты говорила с ним, мама?

– С кем?

– Да с Волковым! Это же тот самый дядя Женя! Ну, помнишь фотографию, где ты с папой, а он с тётей Лидой? – Кира решила идти напролом.

– Ещё чего не хватало! И не собираюсь этого делать! Где они все были, когда мы с тобой бедствовали, когда мне кор-

мить тебя было нечем, дров для печки и то было не на что купить? Не знаю я никакого Волкова, и знать не хочу! Скорее всего, его детям ни кенгуру, ни страусы оказались не нужны, вот он и решил к нам пристроиться! На старости лет!

– А у него что, действительно есть какие-то права на это?

– Ничего у него нет! И не было!

– А почему же он заявил, что он мой родной отец?

– Да за ним, наверное, уход нужен, человек ведь немолодой, а сын не хочет сиделкой возле него быть, невестка тем более. Вот он и выдумал теперь, что где-то есть дочь! Только я тебя не для кого-то родила и растила, а для себя! Чтобы ты рядом была и могла мне помочь. И не вздумай с этим прохвостом общаться! Пусть сам свою кенгурятину ест!

– Мама, а помнишь, как ты меня била, когда я не захотела назвать дядю Женю папой? – не утерпела Кира, высказала давнюю обиду.

– Я? Тебя била? Да что ты говоришь, дочка? Если пару раз отшлёпала или ремешком щёлкнула по заднице, так это раньше и не считалось зазорным! Даже дворянских детей розгами секли! И знаешь, почему? Потому что дорожили ими и не хотели, чтобы дети росли неженками! Суровое воспитание закаляет душу и тело! Стойкие люди выдержат всё: пойдут на врага в штыковую атаку, не сломятся в плену, если вдруг там окажутся, и раны на них заживают быстрее. А неженки гибнут первыми… И запомни: Волков тебе никакой не папа! Может, ему жить негде, и он хочет, чтобы

ты его к себе забрала! – она поджала губы, пытаясь утихомирить гнев, но не выдержала и двух секунд: – Умник нашёлся! Пусть к своим детям и жёнам идёт! На чёрта он нам нужен! И курятники его не нужны! Ишь, чего выдумал – папа! Видали мы таких пап!

– А с телепередачи «Жди меня» уже больше звонить не будут?

– Не будут. Я им сказала, чтобы не вмешивались в жизнь других людей, они на это не имеют никакого права. А позвонят ещё раз – я найду, куда пожаловаться. Слава Богу, сорок лет в органах прослужила. И ещё сказала редактору, чтобы передал Волкову, пусть нас больше не ищет и не беспокоит своими звонками. Нам с ним говорить не о чем.

Нина Сергеевна была жёсткой в решениях, резала по живому, не задумываясь об анестезии. Такой её сделала жизнь, в которой ей не раз приходилось отсекать куски своей собственной души и терпеть эту боль, а подобные раны не могут не сказаться на характере человека.

– Я тебе бульончик принесла и пирожки, – засуетилась дочь, вынимая из сумки еду.

– Напрасно беспокоилась. Ты же знаешь – пирожки вредны для печени.

– Так они же не жареные, а печёные в духовке. Три с курицей, и три с яблоками.

– Зачем мне с курицей? Их сейчас на гормонах растят! Да ещё химикатами кормят и обкалывают всякой гадостью. Ты

что, хочешь меня раньше времени в гроб загнать?

– Мам, ну зачем ты так говоришь? – Кира с нежностью прижалась к ней. – Ведь я у тебя одна дочка, и ты у меня одна мама.

Нина Сергеевна взглянула на неё как-то недоверчиво, будто сомневалась в искренности сказанного, но промолчала.

– А курицу я купила у частников, на рынке. И яблоки свои, с нашей дачи, – продолжала дочь. Вспомнив про разговор с соседкой, добавила: – Я же и сама такие пирожки ем! И Вадик их ест. Вот, смотри – и надкусила один пирожок. Прожевала, проглотила. – Этот с яблоками. Вкусный. И не очень сладкий, чтобы у тебя диабет не развился. Хочешь?

– Я целый, пожалуй, не осилю. А вот твой доем, – схитрила мать, забирая из её руки пирожок.

«Неужели и вправду думает, что я хочу её отравить?!» – ужаснулась Кира.

– Это не у тебя ли телефон звонит? – вдруг насторожилась Нина Сергеевна. Из дамской сумочки, оставленной в прихожей, действительно раздавалась знакомая трель. «Надо же, а ещё жалуется, что плохо слышит, просит купить слуховой аппарат», – подивилась Снегирёва, только теперь расслышав звонок, и со всех ног бросилась к телефону.

– Мам, ты ещё у бабушки? – голос сына был вдохновлённо-приподнятый. Ему явно хотелось что-то сообщить матери, потому и не терпелось её увидеть. – Хочешь, я за тобой заеду? А то уже темнеет.

– И ты ещё спрашиваешь? Разумеется, приезжай! Буду ждать!

– К бабушке подняться, чтобы поздороваться?

– Поднимись, конечно. Она ведь скучает.

Кира скосила глаза на мать, но та с отрешённым видом жевала пирожок, не изъявляя особого желания встретиться с единственным внуком. Несмотря на возраст, Нина Сергеевна по-прежнему заботилась о своей внешности: пропитывала кремами кожу, красила волосы и брови, пользовалась духами. И даже спала на бигудях, чтобы придать причёске – а ля Мар-лен Дитрих или Любовь Орлова – нужную форму. А когда-то делала и косметические операции… Морщинки на её ухоженном лице были почти незаметны.

– К Вадику у меня претензий нет, – вдруг сказала она, задумчиво глядя в окно. – Я его не нянчила, и он мне ничем не обязан. А всё, что у меня лежит на сберегательной книжке, и эту квартиру я завещаю тебе, дочка. И ты это знаешь.

– Знаю, мама. Но лучше ты живи подольше. Ты мне очень и очень нужна. Хоть и ругаешься часто без всякого повода.

Кира хотела добавить: «И соседям напрасно жалуешься», но решила не сердить мать и не подводить тётю Катю.

– Давай я тебе полы помою, пока Вадик не приехал, – предложила она и пошла в ванную за тряпкой и ведром. Мать проследовала за ней. И потом наблюдала за процессом мойки, не отходя от дочери ни на шаг. «Смотрит, не подсыплю ли я чего-нибудь?» – кольнуло в грудь Киру и так уже и не

отпустило: засела заноза в сердце. «Неужели и я такой же подозрительной стану в старости? Или у мамы это и впрямь издержки профессии?»

Но приехал сын, красивый, высокий, черноволосый, улыбнулся с порога:

– Привет, бабуль! Ну как ты тут поживаешь? Телевизор смотришь? – и повеяло от него таким позитивом, такой светлой радостью и почти детской непосредственностью, что Кира Борисовна воспрянула духом, заулыбалась тоже.

– А как же, внучок? – откликнулась на слова Вадика Нина Сергеевна. – Конечно, смотрю! А что мне ещё по вечерам делать?

– Ты бы компьютер лучше осваивала, как другие пенсионеры! Я когда на курсы дизайнеров ходил, знаешь, сколько там дедов и бабулек разных сидело? И все хотели стать активными пользователями Интернета! Теперь друг с другом информашкой перекидываются, фотки шлют, и довольны жизнью!

– Не надо меня учить, внучок. Они хотят быть у всех на виду – ну и бог с ними. А я считаю, что лучше держаться подальше от всех этих шпионских соцсетей. А то напишешь что-нибудь сегодня, а завтра твои слова против тебя же самого и используют, вырвав из контекста. Так или иначе, но время от времени идёт ломка мировоззрения. И то, что нынче считается хорошим, вскоре может стать плохим и постыдным, и даже уголовно наказуемым. Так что лучше не све-

титься нигде со своими мыслями, а держать их при себе. Потому что никто не знает, когда и за что кому-то захочется привлечь других к ответственности.

– Ну, ты, бабуль, даёшь! Я и не думал, что ты в таких тонкостях разбираешься!

– Так я же была начальником паспортного стола города! А это большая должность! Кое-что в жизни понимаю…

Кира Борисовна взглянула на часы.

– Ну, ладно, мама. Пожалуй, мы поедем домой. Что тебе завтра привезти? Как обычно, молочное? Или хочешь что-то ещё?

– Пока не знаю. Утром подумаю. Телефон же есть – позвоню.

Глава 3. Вот бы снять квартиру!

Едва они сели в свою «мазду» и та тронулась с места, как Вадик поставил Киру Борисовну перед фактом:

– Мам, не знаю, как тебе сказать… Ну, в общем, у нас с Маринкой всё было. Я предложил ей жить вместе, снять квартиру…

– Сынок, ты решил жениться?

– Какая женитьба, мам… Сейчас все живут без загса, просто так, вся молодёжь! И это здорово! Гражданский брак. К нам ты, конечно, Маринку принять не согласишься, я знаю…

– И правильно сделаю, что не соглашусь, – осадила сына Кира Борисовна. – Знаешь, Вадик, впустить чужого человека в дом легко, а попробуй потом выставить его за дверь, если что-то пойдёт не так, как хотелось бы. К тому же молодым лучше всего жить отдельно, чтобы никого не стеснять и подстраиваться только друг под друга. Вам же захочется и друзей пригласить, и попеть под гитару, и танцевать до утра.

– Само собой! Когда же ещё танцевать и гулять? Именно теперь, пока молодые! Да Маринка и сама не хочет переезжать к нам сейчас, я уже спрашивал.

– В первую очередь ты должен был спросить у нас с отцом, а потом уже у неё, – сухо заметила мать.

Уловив подступающую напряжённость в разговоре, Вадик решил внести ясность, чтобы не было недопонимания.

– Марина хочет сначала загс и свадьбу, и только потом она согласна жить у нас. Поэтому я и предложил ей снять квартиру.

– И тем самым дал девушке понять, что о свадьбе речь не идёт?

– Во всяком случае, пока я на такой шаг не готов, – кивнул сын, переключая скорость и направляя автомобиль к главной дороге. – Сейчас она снимает комнату с подружкой. Так я думаю, что лучше бы нам самим, мне и Марине, снять отдельную квартиру! Пожили бы вместе, присмотрелись друг к другу… Вот только Маринка почему-то не соглашается. Может, ты с ней поговоришь?

– А что тут непонятного? Она же сказала: загс и свадьбу! Потому и отказывается от съёмной квартиры.

– Но мне ещё рано жениться!

– Зато ей пора замуж! А ты перспективный жених. Через тебя она может получить и квартиру, и прописку, причём без всяких мучений и хлопот.

– Мам, она вовсе не такая, как ты думаешь.

– Почему?

– Да потому что она говорит, что лучше взять в банке кредит и купить свою собственную квартиру. Она готова даже пойти на работу, чтобы выплатить эти деньги!

– Очень интересно! – возмутилась Кира Борисовна. – А кто будет брать кредит? У неё же нет в Сочи прописки! Вся её семья – мать, отец, брат, да и она сама – прописаны в ста-

нице! Дом ветхий, оформлен на родителей. Кто ей даст кредит? Или она рассчитывает на то, что кредит возьмёшь ты? Но как потом его выплачивать? У нас с отцом только пенсия. У тебя скромная зарплата. А она студентка! И родители её нигде не работают! Я ещё удивляюсь, как они находят деньги на её учёбу! У матери инвалидная пенсия, отец горький пьяница, брат разбил две машины – свою и чужую. Долгов у них выше крыши… Помнишь, месяц назад приезжали к нам? Жаловались на плохую жизнь и денег попросили в долг? Мы им, конечно, денег дали, но когда вернут, неизвестно! О каком кредите может идти речь?! Сынок, дорогой, мы не сможем его осилить! При всей своей любви к тебе! И выходит, что её разговоры о собственной квартире – это хитрая уловка, чтобы ты считал, что она не такая, как все. А на самом деле уже всё твоей Мариночкой просчитано: перво-наперво загс и свадьба, после чего она соизволит въехать к нам в квартиру на правах твоей законной жены.

Поскольку сын молчал, кривя губы в явном несогласии с матерью, Кира Борисовна продолжила натиск:

– Ты пойми, Вадик, никто не предоставит ей такую высокооплачиваемую работу, чтобы она смогла погасить взятый кредит. Вот скажи мне, сынок, много ли ты сам получаешь денег за свой труд? Пятнадцать тысяч российских рублей. И это ещё притом, что мы устроили тебя по блату! А сколько зарабатывает её брат?

– Ой, мама, – Вадик досадливо поморщился. – Нигде тол-

ком устроиться не может. Поработает месяц-другой и уходит.

– Ну вот видишь. Ни ты, ни Марина, ни мы с отцом не сможем выплатить этот глупый кредит, если ты его возьмёшь. Кстати, не поленись и посчитай, сколько денег придётся отдавать банку ежемесячно. И учти, что та ставка, которая заявлена, обычно не отражает реальную картину. Тут же выясняется, что нужно платить, скажем, не двенадцать, а все двадцать процентов.

– Почему?

– Потому что банк учитывает все риски. И в первую очередь потребуют от заёмщика оплачивать еще и страховку за жизнь. Есть и другие статьи расходов, о которых ты узнаешь, только внимательно изучив документы. Обычно их пишут мелким шрифтом и так запутано, чтобы заёмщик ничего не понял. Зато потом за него возьмутся коллекторы и судебные приставы, чтобы вытрясти из него всё до копеечки, а попросту пустить по миру.

– С чего это вдруг?

– Да с того, дорогой сыночек, что ты не учитываешь инфляцию и непредсказуемую обстановку в стране. Вот упадёт цена на нефть – и всё. Твоя зарплата превратится в пшик. Работников начнут сокращать, в том числе это может коснуться и тебя! А то и вся фирма, где ты сейчас служишь, возьмёт да и накроется. Сгорит синим пламенем. А долги-то у тебя останутся! Ты не представляешь, сколько народу стали

бомжами из-за своей глупости и беспечности! Даже при самом благоприятном варианте, если прикинуть, во что в итоге обойдётся тебе кредит, то получится, что на эти деньги ты смог бы купить не одну, а две или даже три квартиры. Поразмысли обо всём этом на досуге.

– Ну хорошо, с кредитом понятно. А ипотека?

– Это лучше, хотя тоже несладко. И все риски, о которых я говорила, остаются. Но ипотеку, насколько мне известно, дают только молодым семьям. А жениться тебе рано. И потом, не на первой же встречной! Надо быть уверенным, что нашёл именно то, что нужно. Тем более, взяв на себя суровые банковские обязательства. В общем, сынок, ты правильно решил: для начала лучше всего снять квартиру.

– Вот потому я тебя и прошу… Ну поговори с ней, мама. Может, она тебя послушает? Согласится снять квартиру?

– Боюсь, что она будет гнуть своё. Ведь ей-то хочется замуж… – вконец расстроилась Кира Борисовна.

Потом, помолчав, решила дожать тему, уж коль у неё с сыном пошёл откровенный разговор.

– Вадик, – начала она издалека. – Ты ведь знаешь, что у Марины до тебя был жених. Сам мне рассказывал, как в станице тебе про него соседи все уши прожужжали. Вроде, и к свадьбе там дело шло.

– Ну, да. Было такое.

– И какие у нее были с женихом отношения? Тоже близкие, как сейчас у вас? Я к тому, сынок, что боюсь, как бы

претензий каких со стороны её родителей к тебе не было! Мало ли… А то скажут потом, что испортил девку, а жениться не хочет.

– Мам, не надо. Я не хочу на эту тему говорить.

«Конечно, не хочет, – понимала сына Кира Борисовна. – Ведь он у меня глупыш-несмышлёныш. У него до Маринки еще и женщины-то не было, откуда ж ему знать, как должно быть, когда всё по-честному, без обмана…» Но мучить сына расспросами дальше не стала.

Зато ему не терпелось кое-что уяснить для себя.

– Мам, а давай всё-таки разберёмся до конца с вопросом прописки, – предложил он. – Ведь когда-то ты тоже привела папу в квартиру к своей матери, и вовсе не задумывалась о том, понравится ей это или нет. А у папы не было ни жилья, ни прописки в Сочи. Разве не так?

– Верно, сынок, – не отрицала она. – Но не забывай главного: твой папа на тот момент уже окончил институт и показал себя чрезвычайно перспективным сотрудником, к тому же лидером. И в том, что всего в жизни он сможет добиться сам, не было никаких сомнений! И ещё очень существенная деталь. В советские годы было бережное отношение к молодым и талантливым специалистам, и была уверенность в будущем. Молодых людей энергично продвигали по службе. Государство, выучив и трудоустроив, обеспечивало их квартирами! В отдалённых местах – почти сразу, ближе к центру – ставило в отдельную очередь. И ждать приходи-

лось не так уж и долго. Особенно, если работа молодого специалиста была связана с обороной страны. А мы с твоим отцом работали на оборонку, поэтому собственная квартира от государства для нас была вполне реальна, тем более что твоего отца ставили руководителем во всех проектах. И мы её получили! Как и машину! Твоему отцу хотели дать орден за доблестный труд, а он вместо ордена попросил «Жигули» шестой модели.

– Ты хочешь сказать, что ситуация сейчас совсем иная?

– Конечно. Это и так понятно. Нынешнее государство не несёт никакой ответственности за молодых специалистов. Да будь у тебя хоть семь пядей во лбу, а квартиру изволь купить сам, на свои денежки. И если я в свои двадцать два года могла привести мужа в квартиру своей матери и считала, что это нормально, поскольку ВРЕМЕННО, то теперь у меня иная точка зрения на эту проблему. – Кира Борисовна перевела дух, и завершила, почти упрашивая: – Пойми, Вадик. Сейчас жизнь другая, и жизненные ценности тоже другие. И каждый устраивается, как может. А порядочных людей вокруг раз, два – и обчёлся. Большинство так и норовит хапнуть чужое. Вот и не нужно устраивать самим себе тупиковых ситуаций.

Она уж не стала говорить сыну о нравственном аспекте современной жизни. Да и что говорить, когда повсюду навязывают свободную «любовь» со школьных лет и словно нарочно выставляют напоказ самые низменные чувства – подлость, зависть, обман, подстрекательство к ненависти и раз-

личным издевательствам, вместо того, чтобы прославлять чистоту отношений и уважение к человеческому достоинству.

С телеэкрана и с обложек модных журналов так и подзуживают: «Будь сексуальной!», «Оттянись со вкусом!»

Подобные лозунги и непристойности бьют в душу, и не просто бьют, а намеренно растлевают её! Как и реклама препаратов, усиливающих мужскую потенцию, презервативов, гигиенических прокладок… Впервые столкнувшись с таким, люди испытывают чувство неловкости и краснеют, возмущаясь вопиющей безнравственностью. Потом начинают привыкать и не стесняться окружающих, заслышав скабрёзную рекламу. А это уже первый шаг на пути к тому, чтобы исчезала естественная, природная стеснительность, дарованная Богом.

И что в итоге? Постепенно утрачивается не только стыдливость, но и вообще стыд! А там, где нет стыда, неминуемо исчезает и совесть. Исчезают благородство и порядочность. А это уже большая беда, грозящая всей стране!

Глава 4. Не так-то легко получить Сочи

Заперев за дочерью и внуком дверь, Нина Сергеевна прошла в комнату, села на диван. Квартирка у неё смехотворно маленькая – пятнадцать квадратных метров жилой площади. Но и такую на черноморском юге получить было неимоверно сложно. Как и сам перевод из сурового северного Казахстана в благополучный и сытый Краснодарский край. Помогли, конечно же, связи…

А началось всё с приезда в Кустанай московского чиновника высокого ранга. Шёл 1967 год. Нине Сергеевне уже минуло тридцать пять, но выглядела она значительно моложе своих лет. Работала заместителем начальника паспортного стола, жила с дочерью. От бывшего мужа, Бориса Кришевского, получала законные алименты. И вот в обычный трудовой день, когда до закрытия паспортной службы оставалось полтора часа, ей позвонили из управления и попросили принять участие в важном мероприятии, которое милицейские верха устраивали в честь приезда московского гостя. Она освежила причёску и маникюр в парикмахерской; переоделась, заехав домой, в нарядное платье вместо милицейской формы, после чего отвезла Киру в посёлок к бабушке, а сама отправилась на званый ужин, где и познакомилась с

Григорием – тем самым столичным чиновником.

Она приятно удивилась его молодости, элегантным манерам и броской красоте, достойной киноэкранной знаменитости. Плюс к тому он отличался начитанностью и остроумием. Нина Сергеевна по образованию была гуманитарием, сразу же после восьмилетки окончила педагогическое училище и до работы в паспортном столе преподавала русский язык и литературу в школе. Григорий сыпал цитаты из произведений классиков – Тютчева, Маяковского, Пушкина – удивительно легко, как семена в благодатную почву, и каждый раз останавливал пристальный взор на Ниночке, чтобы уловить в её глазах восхищение и ответный порыв души. И Ниночка завелась с пол-оборота – умело выбивала чечётку своими изящными ножками, подхватывала на лету едва начатую песню и читала наизусть стихи. Вечеринка удалась на славу – с песнями и танцами, обильной выпивкой и угощением.

А потом Григорий повёз её домой на служебной машине, выделенной ему начальником управления. Надо ли говорить, что шофёру пришлось дожидаться московского гостя аж до самого утра, поставив «Волгу» возле подъезда Нины Сергеевны. И закрутился у неё со столичным начальником роман… Помимо прочих достоинств, у Григория оказался роскошный баритон, и он с придыханием, припадая на правое колено, пел ей о любви, обжигая чувственным огнём своих чёрных глаз и аккомпанируя себе под гитару:

И светила им ласково из окна
Луна, луна…
Ля-ля, ля-ля-я… ля-ля-ля-ля-я…
Луна, луна.

Нина Сергеевна таяла от щедрого внимания к ней, от магнитящего взора, который заставлял трепетать её душу, как пойманную в сачок бабочку, от слов, проникающих в глубину истосковавшегося по большой любви сердца… Любви, как в «Алых парусах» Грина!

О романе Ниночки с московским гостем тотчас же узнало всё управление, но галантно помалкивало, делая вид, что ничего не происходит. Нина Сергеевна взяла больничный лист на три дня – как раз на срок его командировки в Кустанай, – плюс выходной, – все эти четыре дня и продолжалась их любовь, яркая и незабываемая, как праздничный фейерверк. Именно о такой любви она и мечтала, осознав, что с Волковым ей семейный очаг не светит; ждала при встрече с каждым новым мужчиной. Женское счастье было целью её жизни, её главным предназначением, данным свыше, ведь она родилась под созвездием Скорпиона. И, кроме любви, ей не надо было ничего.

– Я люблю тебя, Ниночка, люблю… – с жаром нашёптывал ей Григорий в их последний день, день прощания, и тискал, ласкал, прижимал к себе, целуя то в шею, то в губы, то где-то за ушком. – Не хочу с тобой расставаться… Не хочу! Ведь это так несправедливо – расставаться с той, которую

любишь.

– Но я приеду к тебе! – искренне заверяла она его, с трудом отрывая губы от томительного поцелуя. – Обязательно приеду! Ведь мне без тебя теперь не жить…

И в самом деле, за эти четыре дня она всё обдумала, всё для себя решила. Григорий – это её судьба! Другого такого подарка уже не будет.

Через несколько дней после отъезда любимого, измаявшись от одиночества и внезапной пустоты, которая обрушилась на неё, как смерч в пустыне, она взяла отпуск без содержания и рванула в Москву – с чемоданом, куда уложила самое необходимое из вещей, чтобы хватило на первое время. Всё остальное привезёт потом! Это неважно! Главное – быть с ним. Киру оставила у бабушки, села в поезд и приготовилась к новой жизни, наполненной счастьем и радостью. Ниночка не знала его адреса – у неё был только номер телефона, и послать телеграмму, чтобы встретил, было некуда – не посылать же в главк!

Выйдя из вагона в Москве, она попала в пёструю толпу, кишащую пассажирами, зеваками и воришками, которая стремительно понесла её к зданию вокзала. Это был роскошный дворец! Ниночка с восхищением рассматривала его архитектурные особенности – высоченные окна, купола на крыше, просторные залы, мраморный пол. Она отыскала глазами милиционера – тот прогуливался по зданию, зорко наблюдая за бегущими людскими ручейками, готовый напра-

вить их в необходимое русло. Сержантские погоны на кителе, синее галифе, начищенные до блеска сапоги, фуражка.

– Мне нужен телефон, – сказала ему Ниночка, показав своё удостоверение.

Сержант уважительно козырнул и собирался проводить её на милицейский пост, чтобы она воспользовалась служебной связью, но Нина Сергеевна спросила, где находится телефонная будка. Через несколько минут она уже звонила Грише, задыхаясь от нахлынувших чувств и предвкушения долгожданной встречи.

– Гришенька, милый! Я приехала к тебе! Я на Казанском вокзале!

В трубке стояла мёртвая тишина.

– Алё! Алё! – испугалась она, что он её не слышит. – Гриша!

– Ну чего ты кричишь? – последовало отчуждённо, как будто и не было тех волшебных дней счастья. – Мы не можем быть вместе! У меня жена и трое детей!

– Что же ты… Что же ты раньше об этом не сказал? – запинаясь, промолвила она, ужасаясь его словам и ещё больше тому, что придётся возвращаться обратно – туда, где её ждут пересуды и злорадные смешки за спиной.

– Я скоро приеду в командировку и всё тебе объясню. Прости. В трубке зачастили язвительные гудки, и Нине Сергеевне казалось, что даже они насмехаются над её женской глупостью и той беспечной доверчивостью, которой теперь

не было ни оправдания, ни прощения. Радужный мир, созданный опьянённым любовью воображением, рухнул, придавив её своими обжигающе-острыми обломками.

Она думала, что встретила капитана Грэя, приплывшего к ней под алыми парусами любви… А её, оказывается, просто использовали на несколько дней, бессовестно разыграли, поиздевавшись над её чувствами… Какая же она дура! Как могла так повестись, пойматься на крючок глумливого волокиты, да ещё на виду у всех…

И этот ужас, этот позор предстояло пережить – стойко и мужественно, не подавая вида, как ей больно и обидно.

Увы, человек слаб и мелочен, и подчас чужой неудаче он радуется больше, чем собственному успеху. Об их романе знало всё кустанайское управление милиции, включая паспортный отдел, косточки Нине Сергеевне с удовольствием перемывали за каждой кабинетной дверью завистливые подруги и подчинённые. И она терпела, впервые подумав о том, что пришла расплата за грехи прошлых лет, о которых хотелось забыть… Но именно Григорий приложил все силы к тому, чтобы она переехала в Сочи.

…Настенные часы пробили девять вечера. Нина Сергеевна потянулась, расправляя плечи и спину. И чего это она вдруг Гришку вспомнила? Скорее всего, потому, что намеренно гнала от себя мысли о Волкове.

– Упустил ты свой шанс, голубчик, упустил, – пробормотала она. Не потому, что представляла, будто Евгений её слы-

шит, а просто уже давно выработалась привычка многих одиноких людей – разговаривать с собой вслух. – Нет у тебя, Волков, теперь никакой дочери! – сурово повторила она. – Нет, и не будет! И сам ты в этом, Женечка, виноват! Надо было тогда думать, когда я этого очень хотела! А ты к моей подруге ушёл? Ну так и катись к ней сейчас, прямой дорожкой, без поворотов и ухабов, нигде не сворачивая! Катись-катись, колобок ты мой… зачерствевший!

Волков был её ахиллесовой пятой, если можно так выразиться. Мало кто обижал красавицу Ниночку в пору её расцвета, когда она ещё только четверть века прожила, чаще обижала она сама, а вот Женька смог её обидеть так, что и в судный день она его не простит. Да-да, это был тот самый случай на рынке, когда решалась их судьба – быть вместе или жить порознь…

– Ладно, не накручивай себя, – решила вовремя остановиться Нина Сергеевна. – А то спать не сможешь. Сдался тебе этот Женька!

Она вспомнила про бульон, принесённый дочерью, и пошла на кухню. Открутила крышку термоса, вынула пробку – в воздух поползли тощие змейки пара, запахло наваристым куриным супом. Золотистого слоя жира не было – Кира заранее его сняла, стараясь угодить матери. Сжав термос обеими руками, Нина Сергеевна приблизилась к раковине и вылила туда бульон.

– Порядок! – произнесла удовлетворённо и повеселела.

Ещё будучи совсем юной паспортисткой, она слышала о громких делах – убийстве детьми собственных родителей, и всё во имя того, чтобы завладеть имуществом и жилплощадью. Пока была молодой, на свои плечи такую страшную судьбу не примеряла, но вот подступила старость – и стал расти, как раковая опухоль, неуёмный страх. От дочери плохого не ожидала, а вот зять – это был крепкий орешек, человек хваткий и умный, а главное, независимый и успевший жёстко и по-деловому проявить себя в служебной деятельности. Зять вызывал опасения… У них не заладились взаимоотношения с первой же минуты, как только Нина Сергеевна его увидела.

Кира и Глеб работали в закрытой организации, там и познакомились, а сблизившись в совместных командировках, втайне от всех расписались. Глеб был сирота, ни кола, ни двора, ему и говорить-то о своей женитьбе было некому. И Кира, недолго думая и заручившись свидетельством о браке, привела его к своей матери. Нина Сергеевна была в шоке. Жить втроём на пятнадцати метрах площади в её планы не входило – это означало поставить крест на своей собственной женской судьбе! А ведь ей ещё было только сорок с небольшим, как говорится, баба-ягодка… И слишком тяжело далась ей квартира в Сочи, чтобы впустить в неё человека, который исхитрился обзавестись соответствующим штампом в паспорте…

Она ворочалась всю ночь, не в силах успокоиться и уснуть,

а на следующий же день, пока молодые ещё спали, пошла в военкомат к своим знакомым, похлопотала, и Глеба тут же призвали на полугодичные офицерские курсы, с выездом в другую местность. Зять такого от тёщи явно не ожидал…

Зато понял, что нечего разевать рот на чужое добро, а надо зарабатывать своё. Вот потому у них с Кирой теперь было всё: и собственная квартира, и дача, и машина. И выходит, что Нина Сергеевна поступила правильно, не позволив зятю расслабляться. Она его, конечно, прописала у себя, но только ради того, чтобы молодая семья смогла претендовать на улучшение жилищных условий. В советское время такое право имели только те семьи, где на человека приходилось не более шести квадратных метров жилой площади. Дальновидная Нина Сергеевна, изначально зная это, специально взяла себе квартиру в пятнадцать метров, чтобы в перспективе Кира могла получить отдельное жильё. А курсы пошли на пользу Глебу – там его и присмотрели влиятельные работодатели в погонах, что тоже было предусмотрено тёщей.

В комнате разлилась знакомая мелодия «Не думай о секундах свысока…». Нина Сергеевна не спеша подошла к сотовому телефону, посмотрела на экран, после чего ответила:

– Да, дочка. Что случилось? Почему звонишь на мобильник, а не на городской телефон?

– Просто хотела сказать, что мы с Вадиком уже подъехали к дому! – сообщила Кира, и голос её был немного усталый. Или показалось? – Вадик пошёл ставить машину, а я жду

лифт. У тебя всё в порядке? Голова не болит? А то сегодня обещали магнитную бурю, я забыла тебя предупредить.

– Всё хорошо, не волнуйся. Я уже ложусь спать. Кстати, бульон был очень вкусный.

– Правда?! Ты его выпила?

– Раз говорю, что вкусный, значит, выпила.

– Молодец! Завтра привезти ещё?

– Пока не надо.

– Ну, тогда отдыхай. Утром я позвоню. А ты составь список, что купить. Приятных тебе снов!

– Спасибо, дочка. И тебе спокойной ночи!

Глава 5. Семейный ужин

Пока Вадим подыскивал подходящий уголок возле дома для парковки машины, так как его привычное место почему-то оказалось занято, Кира Борисовна поднялась на свой этаж, открыла ключом дверь. Пахнуло домашним уютом и отварным картофелем. Неужели Глеб решил похозяйничать на кухне? А тот уже шёл к ней, держа в одной руке полосатое полотенце, а в другой – столовую ложку.

– Ждал, ждал вас, – проговорил он извиняющимся тоном, – да не выдержал, поставил картошку варить. А то есть хочется, сильно проголодался. Кстати, я её уже посолил.

И заулыбался, обнажив безукоризненные зубы, ровные, белые и к тому же свои родные. Таким зубам любая кинозвезда бы позавидовала. И шевелюра у него роскошная, с благородным серебряным отливом.

– Молодец, правильно сделал, – похвалила жена. – А селёдку я сейчас почищу.

– Мяса разве не будет?

– В обед же пирожки ели.

– Так то в обед. И они были с курицей.

– А с яблоками не хочешь? На подоконнике лежат, в чашке.

– С яблоками буду.

– И мне парочку оставь, – прямо с порога попросил Ва-

дим, уже успев разобраться с парковкой и включаясь в общий разговор. – Я тоже хочу с яблоками.

Рядом с сыном Глеб Романович значительно проигрывал в росте. Но мог гордиться своим тренированным телом, гладким и загорелым, по цвету напоминающим подрумяненный на сковородке пирожок.

Кира Борисовна привыкла всё делать быстро и хорошо, тут же взялась за селёдку, и вскоре вся семья уже сидела за столом.

– Ну как там тёща? – поинтересовался Глеб и не без ехидцы добавил: – Что новенького придумала? В суд ещё на нас не подала, что мы её со свету сживаем? А то я уже в поликлинику боюсь заходить, там мне каждая медсестра и врач начинают с порога долдонить, какой я, оказывается, злодей и негодяй, только и думаю о том, как бы тёщу свою угробить. Они мне прямо говорят: «Что вы возитесь с этой сумасшедшей бабкой? Она про вас тут такое рассказывает, что уши вянут!»

Вадик с трудом подавил уже готовую сорваться улыбку.

Кира Борисовна строго посмотрела на него, но промолчала.

– Ты к ней ездишь каждый день, работу из-за неё бросила, и всё равно на тебе клеймо – плохая дочь. А я так вообще какой-то изверг, – продолжал накручивать Глеб Романович, аккуратно обсасывая хвост селёдки. Накручивал, потому что знал: Кира не из тех женщин, которые способны накалить

обстановку ещё жарче.

– Неизвестно, какими будем мы сами, когда доживём до её лет, – прервала она бесполезную нервотрёпку. Неприятная тема могла длиться бесконечно, тем более что поводов было предостаточно, но к чему мусолить одно и то же? С другой стороны, Кира твёрдо знала, что мать всегда останется матерью, в то время как муж вполне может стать и бывшим. Ведь однажды он уже пытался уйти…

– Картошки ещё кто-нибудь хочет? Или селёдки? – спросила она.

– Спасибо, наелись, – ответили хором мужчины, и тогда Снегирёва произнесла, как бы невзначай:

– А мне чуть было страусиная ферма не досталась…

Эффект получился такой, как ей и хотелось. В таких случаях говорят, что у всех присутствующих челюсти отвисли.

– Какая ферма, мам? – первым обрёл дар речи сын.

– Обыкновенная. В Австралии.

– А поподробнее нельзя? – приступил к дознанию муж, оправившись от лёгкого шока.

– Мне позвонили с телевидения, из передачи «Жди меня»…

– А! Ну так бы сразу и сказала, – оборвал, не дослушав её, Глеб Романович. – Розыгрыш чистой воды, – и во взгляде его, обращённом к сыну, явственно читалось: «И находятся же ещё лохи, которые верят во всякую чушь!» – Небось, и денег попросили в виде вступительного взноса? – с подколом

спросил он. – И ты их уже отправила?

– Глеб! Ну что ты меня всегда принимаешь за дурочку? – обиделась Кира Борисовна. – Не успел ещё ничего узнать, а уже делаешь скоропалительные выводы.

– Да потому что ты ещё только собираешься о чём-то подумать, а уже знаю ответ на твой вопрос, и на три хода вперёд вижу, как будут развиваться события дальше.

– Ну, если ты всё знаешь, тогда и говорить не о чем, – заключила она и принялась собирать тарелки, освобождая место для чашек с блюдцами.

– Мам, расскажи мне, – пристал Вадик. – Австралия – это же не только страусы. Это совсем другой мир!

– В девяностые и двухтысячные годы туда уехало много русских, – сменил подтрунивающий тон на благодушный Глеб Романович. – Там теперь целые колонии русских поселенцев. А во времена боярыни Морозовой в Австралию перебрались на постоянное место жительства старообрядцы. Не все конечно, но многие. Уезжали семьями, чтобы начать новую жизнь, обрести вторую родину. Главное, чтобы подальше от царской России, ведь здесь на них были устроены гонения и вполне могли наяву сжечь живьём.

– Только за веру? – ужаснулся Вадим.

– Да, только за веру. За то, что крестятся двумя пальцами, а не складывая их в щепоть.

Глеб готов был продолжить экскурс в историю церкви, но сын уже утратил интерес к этой теме и обратил свой взор к

матери, снедаемый любопытством.

– Мам! Так тебя что же, кто-то из бывших соотечественников зовёт в Австралию?

– Собирался позвать, – уточнила она. – И заявил, что я его родная дочь.

Глеб хотел было снова отпустить что-то язвительное, но на этот раз сдержался. Решил дослушать историю до конца.

– Ничего себе! – ошеломлённо покачал головой Вадик. – Прямо так и заявил? С какой стати? Дедушка же умер!

– С какой стати этот австралиец признаёт твою маму своей дочерью, нужно спросить у бабушки, – с иезуитской улыбкой подсказал отец.

Вадик пропустил его слова мимо ушей.

– Мам! А ты знала этого человека раньше? Хоть когда-нибудь видела его?

Получив утвердительный кивок, оживился:

– Ну, тогда давай всё по порядку. Слово в слово, какой у тебя был разговор по телефону.

Она постаралась воспроизвести в точности всё то, что услышала от Павла Громова, и свои ответы ему. И в довершение повествования показала фотографию в альбоме.

– Вот он. Евгений Волков.

– Ну, тёща! Ну даёт! – расхохотался Глеб и едва не поперхнулся пирожком.

– А что, мам, давай поедем к нему! Посмотрим Австралию! Ознакомимся с фермой! Другие ищут родственников

по всему миру, мечтают разбогатеть! А тебе наследство само в руки идёт, налаженный бизнес, поставленное хозяйство, а ты отказываешься!

– Вот-вот. Будем полезной страусятиной питаться! Перья продавать, мясо! – присоединился к интересной теме и Глеб Романович. – То-то заживём! Сможем и дачу, наконец, достроить, и Вадику отдельную квартиру купить.

– Так ведь там, на ферме, надо жить и работать! – напомнила им Кира Борисовна очевидный факт. – Кто туда поедет? Я твою бабушку, Вадик, бросить не могу. Да и вообще – на кой ляд мне эта Австралия! Мне и здесь забот хватает!

– Ты сначала съезди, посмотри, а после уже и решать будешь.

– Я бы, может, и хотела поехать. Но бабушка уже за меня всё решила. Сказала им, чтобы по таким глупостям больше сюда не звонили, а то она найдёт на них управу.

– Это она может, – ухмыльнулся старший Снегирёв. – Это за ней не заржавеет.

– И что? Значит, не будет никакой Австралии? – разочарованно вздохнул Вадим.

– Скорее всего, не будет. Бабушка отрицает причастность Волкова к отцовству.

– Мало ли, что она отрицает. Слава богу, медицина продвинулась так далеко вперёд, что просто возьмут у вас обоих анализ на ДНК, и всё станет ясно, – заметил Глеб.

И вдруг взъерошил на затылке волосы, что являлось вер-

ным признаком того, что он обнаружил неприятный вариант возможного развития событий:

– Минуточку! – воскликнул он упавшим голосом. – Но тогда этот тип, при совпадении ДНК, может претендовать на долю наследства, если с его дочерью не дай бог что-нибудь случится! И на этот раз я, пожалуй, готов снять шляпу перед мудростью тёщи. Не нужно нам никаких новых отцов и дедушек! Что у него там на самом деле есть в этой его Австралии, ещё на воде вилами писано, а что есть у нас, мы знаем.

«А ведь и верно! – внутренне согласилась с ним Кира Борисовна. – Квартира, машина, дача – всё оформлено на меня. Есть о чём задуматься».

– Ну её к лешему, эту ферму, – махнул рукой Вадик, как о деле, решённом окончательно и бесповоротно. – Жили без неё столько лет, проживём и дальше. А попугаев какаду и утконосов я уже видел – в зоопарке! Но последнее слово всё-таки должно быть за тобой, мама! Только ты имеешь право поставить в этом вопросе точку.

И ушёл, удалившись от всех, на застеклённую лоджию – не терпелось поговорить с Мариной, условиться о времени завтрашней встречи и попутно рассказать об Австралии: от своей девушки он не скрывал ничего. Мобильный телефон, заблаговременно поставленный на зарядку, уже слал довольную отрыжку, вдоволь насытившись вкусным электричеством. Вот и славненько: они с Маринкой могли висеть на телефоне часами, и прерывать разговор не хотелось ни

ему, ни ей.

Глава 6. Бывает же такое!

– Тебе хорошо сегодня было? – спросил он в трубку как можно тише, чтобы не услышали родители.

– Да, Вадик. А тебе?

– Ещё спрашиваешь! Жду не дождусь теперь, когда мы увидимся снова.

Марина жеманно засмеялась.

– А завтра вечером ты будешь одна? Сможешь спровадить куда-нибудь Светку?

– Попробую. Но она такая упёртая… Иногда мне кажется, что она нарочно никуда не хочет уходить, чтобы мне насолить.

– Может, познакомить её с кем-нибудь?

– Я уже предлагала.

– И что?

– Не хочет.

– Почему?

– Говорит, что ей надо заниматься. Целыми днями в Интернете торчит. От компьютера не отходит.

– Ну, посоветуй в Интернет-кафе сходить.

– А зачем ей туда идти, если комп под рукой!

– Может, свести её с твоим братом?

– Зачем?

– У него же нет девушки! А у неё нет парня! Если по-

нравятся друг другу, начнут встречаться, где-нибудь бывать вместе. Ну, ты меня понимаешь…

– Понимаю, на что ты намекаешь.

– Интересно, на что? – Вадик спросил нарочно, и самым невинным тоном, чтобы её немного подразнить.

– Да чтобы она нам не мешала! – захлебнулась смехом Марина.

Он присоединился к этому смеху, чем продлил его, по меньшей мере, вдвое.

– Знаешь, Лёшка такой непредсказуемый… – отхохотавшись, засомневалась она. – Ещё познакомим на свою голову!

– А что такого страшного может быть?

– Он в последнее время какой-то странный.

– Вот-вот, – с довольным видом перебил её Вадим. – Я и говорю, что они два сапога пара. Оба странные. Вот и пусть присматриваются друг к другу и избавляются от своих комплексов.

– Как бы не вышло обратное: что они на пару станут ещё более странными и непредсказуемыми, – возразила Марина.

– Погоди. Они же должны были хоть раз да увидеть друг друга, – осенило его. – Ты со Светкой живёшь вдвоём уже больше, чем два месяца. Не мог же он ни разу к тебе не приехать?

– Приходил, конечно, когда я въезжала в квартиру. И Света была дома. Он помог мне с вещами.

– И что было дальше?

– Посидели, выпили бутылку вина, съели торт. Попели под гитару. В общем, отпраздновали моё поступление в универ и новоселье. А потом он уехал.

– И как развивались события после знакомства?

– По-моему, никак.

– А Светка что-нибудь говорила о нём? Ну, мол, симпатичный парень, или что-то ещё в этом роде? Проявляла какую-то заинтересованность в дальнейших отношениях с ним?

– Она по характеру молчунья. И вообще считает, что девушке неприлично делать самой первые шаги к знакомству. Проявлять инициативу должен молодой человек.

– Тогда надави на брата. По крайней мере, узнай, как она ему – понравилась или нет?

– Да он её, небось, уже и не помнит! Сколько времени прошло!

– А он у тебя спрашивал о ней? После той вечеринки?

Марина ответила не сразу.

– Кажется, да.

– А ты?

– Я сказала ему, что Светка молчит, разговора о нём у нас не было.

– Детский сад какой-то! – возмутился Вадик. – Раз он спросил, значит, она ему не безразлична! Бери их судьбу в свои руки, уж коли они сами такие закомплексованные! Позвони брату и пригласи к себе. Придумай какую-нибудь про-

блему, которую без него решить ну никак нельзя. Или там…

– Может, пригласить его на Светкин день рождения?

– А когда он будет?

– В воскресенье.

– Отлично! Повод что надо. Я тоже приду, чтобы поддержать компанию.

– Ну, это уж само собой.

– Кстати, хочу поделиться сногсшибательной новостью, – перешёл к другой части разговора Вадим и стал рассказывать об австралийской ферме, которая чуть было не досталась его матери.

– Вадька! – у Марины голова пошла кругом от волнения. – Беги сейчас же к маме и умоляй её лететь в Австралию! Вот бы всё получилось! Это же такая перспектива! Мы с тобой станем миллионерами!

А Кира Борисовна к тому времени уже закончила мытьё посуды, сложила остатки еды в холодильник и с чувством выполненного долга пошла к своему планшету.

В прежние времена, когда ещё не было компьютеров, вечерами она либо вязала что-нибудь для членов своей семьи, либо смотрела телевизор, если шла интересная передача, либо созванивалась с кем-то по телефону. Чаще всего со своей двоюродной сестрой Ритой. Теперь повальным развлечением продвинутых домохозяек стал Интернет.

И Снегирёва не была исключением. Она часами могла бродить по разным сайтам в поиске интригующей информа-

ции. Интересно было всё: и политика, и сплетни о телезвёздах, и рецепты народной медицины. Она вела обширную переписку в Интернете с родственниками и знакомыми, разговаривала с ними по скайпу. В общем, скучать было некогда. Всемирная паутина уже давно и надёжно опутала её своими цепкими и прилипчивыми сетями, поймала, как голодный паук свою жертву, и не давала вырваться на свободу. Да Кире Борисовне уже и самой не хотелось на волю! Ведь тогда станет скучно жить.

На этот раз она заинтересовалась Австралией. Или Южной Землёй, если перевести название на русский язык. Две трети страны занимают пустыни и полупустыни. Есть саванны и горы, эвкалиптовые леса. Пальмы, древовидные папоротники… Главой государства является королева Великобритании. «Ничего себе! – удивилась Кира. – Вот тебе и крошка-Англия! Такой огромный материк отхватила! Да ещё, оказывается, неимоверно богатый!»

Муж Снегирёвой и сам давно находился в заманчивых сетях Интернета, поглощающих всё свободное время, и, пожалуй, без них уже тоже не смог бы обходиться. Книги, газеты и журналы отошли на задний план. Иногда Глеба Романовича ещё мог завлечь телевизор сенсационными разоблачениями, после которых не знаешь, где покупать продукты, чтобы не травить организм химией или не покалечить свой генофонд, либо ломаешь себе голову, как выжить накануне грядущей катастрофы в эпоху тотальной ненависти к России

почти всего мирового сообщества. Подобные телепередачи звучали с экрана всё чаще и всё настойчивее…

Насмотревшись на сумчатых кротов, страусов эму и рыб цератод, которые дышали и лёгкими, и жабрами, Кира Борисовна почувствовала, что устала от экзотической Австралии. Обилие информации о материке было похоже на воду, бесконтрольно текущую из крана, который забыли закрыть, и эта вода, успешно преодолев первый барьер – кухонную раковину или ванну, – победно хлынула на пол, затапливая всё вокруг. Подобного потопа в мозгах допустить было нельзя, и Снегирёва закрыла информационный «кран». Изучать неизвестное лучше дозировано… Решила покопаться в «Одноклассниках» – это было проще, чем осваивать в один присест особенности природы и уклада жизни незнакомой страны.

Глава 7. Сестра Рита

Гуляя по сайту, Кира Борисовна наткнулась на фотографии, которые выложила в Интернет Рита. Но вклинилась к ней невидимкой, чтобы сестра не узнала, что она интересовалась её жизнью.

– Глеб! А Глеб! – позвала она мужа, который сидел за большим компьютером.

– Ну чего тебе?

– Ритка со всей семьёй в Турции отдыхала. В отеле «Jacaranda». В пятизвёздочном, между прочим.

– Ну и пусть. Тебе-то что?

– Да я так просто. Думала, тебе интересно.

Но у Глеба были свои предпочтения.

– Я смотрю материал об «оранжевых революциях», – проворчал он. – Представляешь, мы ещё от Второй Мировой и Афганистана толком прийти в себя не успели. От перестройки и вовсе почти без штанов остались. Едва только начали выкарабкиваться из этой бездны, а тут другая беда на подходе… И ведь всё повторяется! Вице-канцлер России Горчаков ещё в середине девятнадцатого века говорил о том, что революционная зараза, как чума, быстро переходит от одного места в другое, и что определённые лица намеренно провоцируют такие революции.

– Враги не дремлют. Расслабляться нельзя, – в тон ему

ответила Кира, но муж её уже не слушал.

Раньше Рита часто приезжала к ним, чтобы навестить, поговорить о том о сём. И после её ухода обязательно что-нибудь пропадало из вещей. Чаще всего деньги. Сначала Кира думала то на мужа, то на друзей сына, пыталась устроить разборки, но, кроме семейной ссоры, это ни к чему не приводило. Все дулись друг на друга, а ни вещи, ни деньги так и не возвращались. Потом однажды она посетовала Рите, что пропало новое одеяло, еще с фабричной этикеткой. И каково же было её удивление, когда вдруг, примерно через полгода, одеяло неожиданно появилось в шкафу, на своём привычном месте, только на него было страшно смотреть, таким замызганным оно стало и отвратительно пахло. Все домашние отрицали свою причастность к неприглядному факту, а с сестрой Кира свои подозрения не связала.

Но потом как-то раз Рита пришла в неурочный час, когда, кроме Киры, никого в квартире не было, и принесла в подарок кулёчек с печеньем. Только они сели пить чай с ватрушками, испечёнными накануне Снегирёвой, и печеньем, как вдруг Рита попросила угостить её вареньем, дескать, такого вкусного варенья нигде больше не пробовала. Кира полезла в шкафчик, чтобы достать банку с клубничным джемом. Сестра обрадовалась, ела джем да нахваливала. Потом они допили чай, посидели, поболтали минут пятнадцать, и тут у Киры внезапно заурчало в животе, после чего её скрутила резкая боль. Она едва добежала до туалета, а когда приступ

острого отравления прошёл и она хотела продлить общение с сестрой, оказалось, что Рита засобиралась домой. А вскоре после её ухода позвонил Глеб.

– Ну, ты готова? Выходи быстрее, поедем в сервис. Надо проверить машину.

Кира Борисовна знала, что предстоит поездка, и заранее, ещё утром, положила в свою сумку необходимые деньги и документы. Она торопливо оделась, взяла сумку, закрыла дверь на ключ, и они поехали. И только в сервисе обнаружила, что сумка пуста – ни денег, ни документов. И стало понятно, кто все эти годы шарил по карманам, сумкам, вещам… «Значит, она мне в чай что-то подсыпала», – поняла Снегирёва, представив, как сестра рылась в её вещах, пока она была в туалете.

С тех пор Кира прекратила с ней всякое общение. На ум стали приходить различные эпизоды из жизни, на которые она прежде старалась не обращать внимания, попросту закрывала на них глаза. А зря! Родственники и знакомые, побывав в гостях у Риты, неоднократно жаловались, что у них пропадали деньги. Обычно это происходило так. Ритин муж зазывал в гостей в дом, где стол ломился от яств и напитков, вещи и сумки гостей при этом оставались в коридоре. Разумеется, без присмотра. Да и кому в голову могла прийти мысль, что их кто-то обворует здесь, у родных людей? Но факт оставался фактом – деньги исчезали с завидным постоянством. То же самое происходило и на работе Риты – в лот-

ке на рынке. Сначала хозяйка лотка подозревала в краже кого угодно, так ловко могла обставить всё это Рита, и только потом, убедившись в воровстве, выставила её за дверь.

Рита ещё со слезами на глазах жаловалась Кире, что, мол, кто-то обворовывает хозяйку, а та, взъевшись на что-то, свалила на неё чужую вину, обидела, ославила на весь рынок, и теперь её нигде не берут на работу. А на пенсию разве проживёшь? Но недаром говорят: не поймали вора сегодня, поймают завтра. И Снегирёва, наконец, прозрела. Поняв, что сестра воровка, она долго переживала, не в силах смириться с тем, что узнала. Трудно было привыкнуть к этой мысли, невозможно найти объяснения позорному факту.

Рассказала матери – но та не поверила! Удивительно! Подозрительная ко всем и во всём, она отказалась верить, что Рита не чиста на руку. А ведь и у самой Нины Сергеевны неоднократно пропадали из квартиры и вещи, и деньги, и она, оказывается, подозревала в воровстве кого угодно, но только не Риту. Да и вообще она к ней относилась гораздо лучше и нежнее, чем к Кире.

Ещё когда они жили в Кустанае, мать, бывало, съездив куда-то на отдых или в командировку, привозила Рите и красивые платья, и кукол, а Кире – в лучшем случае детскую книжку. Риту и ласкала, и называла «Деточка моя, красавица!», а Киру больше ругала, чем хвалила. Могла и отшлёпать, и назвать обидным словом.

Однажды, когда они только-только вселились в кустанай-

скую квартиру, Кира сильно заболела. Она ужасно кашляла и хрипела, температура поднялась за сорок, девочку бил озноб. В квартире было страшно холодно – печку мать не топила, и Кира не могла согреться даже под теплым одеялом. Мама не хотела пропускать рабочие дни и оставляла дома её одну, пока той не стало совсем худо. Только тогда мать и вызвала врача на дом. И получила такую взбучку! Женщина-врач кричала, что заявит на неё куда следует, за то что она не выполняет своих материнских обязанностей, ребёнок находится в неподобающих условиях, не согрет, не накормлен. Девочка крайне истощена, у неё воспаление лёгких. Мама плакала, жалуясь, что они одни и ей приходится работать, чтобы как-то сводить концы с концами… По настоянию доктора Нина Сергеевна всё же взяла больничный лист, стала топить печь и заниматься лечением дочери.

Кира поправилась. Но при первом же удобном случае мать старалась спихнуть её к бабушке – там была корова, дающая молоко, были свои куры и огород. Но и в бабушкином доме Кира видела, что к ней далеко не такое отношение, как к Рите. Свою дочку тётя Валя утром, чуть та проснётся, потихоньку поведёт на кухню и накормит вдоволь сметаной, горячими оладушками. А Киру даже к столу не позовёт. Ни в материнском доме, ни у тётки она не чувствовала себя любимой и нужной. Только бабушка её и жалела. То леденцами угостит, купив на свою пенсию, то кислого молочка из погреба достанет… Так и текли дни детства и отрочества ху-

денькой и тихой Киры.

И всё-таки с Ритой было весело, с ней можно было придумать какую-нибудь игру. Ни бабушка, ни тётя Валя не заставляли их трудиться: грядками в огороде занималась бабушка, а тётка готовила еду и прибиралась в доме. Целыми днями девчонки пропадали на улице, где собиралась детвора со всей округи. Играли в фантики и догонялки, катались на велосипедах, прыгали через скакалку. Ходили в поле за цветами, а иногда, пешком, добирались до Кустаная и бродили по городским магазинам, а если бабушка давала деньги на билеты, то шли в кино на дневной сеанс или в парк.

Однажды Рита предложила покататься на качелях и подвела сестру к самолёту – эта была двухместная, деревянная, крошечная модель с открытой кабиной. Когда девчонки в неё сели, то оказалось, что ноги вытянуть невозможно – места было слишком мало. Рита устроилась впереди, Кира за ней. Самолёт начал крутить обороты в воздухе перпендикулярно земле, и, когда он поднимался вверх, к небу, девчонки висели вниз головой. При первом же витке выяснилось, что сиденье плохо закреплено и отстаёт от крепёжной доски, и, чтобы не вывалиться из кабины и не разбиться о землю, Кире пришлось вцепиться руками в борта самолёта, а ступнями ног – держаться за нижнюю часть доски, на которой сидела Рита. И с невероятными усилиями каждый раз, когда самолёт взмывал вверх, удерживать весь свой вес… Вот страху-то натерпелась! Она проклинала себя за то, что согласилась на

эту авантюру, поддавшись уговорам сестры. Когда самолёт, наконец, остановился, она едва вылезла из кабины, так сильно её укачало. Подкатил спазм к горлу, и пришлось бежать к ближайшим кустам, где её вывернуло наизнанку. А Рите – хоть бы что! Тогда сестра впервые сказала, что хочет быть стюардессой, а Кира поняла, что не рождена для полётов.

Перед самым отъездом Киры с матерью в Сочи соседский парень, который работал шофёром на автобусе, расщедрился и отвёз их на танцы в сельский клуб… Ехали больше часа по пыльной степной дороге, трясясь на каждом ухабе и выбоине. Но как весело оказалось в клубе! Кира впервые была на танцах и с удивлением обнаружила, что парни интересуются ею, приглашают потанцевать, хотят познакомиться… Это было увлекательно и непривычно…

А потом был отъезд в Сочи, полусгнивший дом, незнакомые люди. Хорошо, хоть скучать было некогда – предстояло готовиться к поступлению в вуз, а после зачисления ходить на занятия, делать курсовые проекты и чертежи. Два года, пока они с матерью жили в тяжелейших условиях, подставляя вёдра и тазы прямо в комнате под капель с дырявой крыши, да угорая от плохо работавшей печи, Рита им даже писем не писала. А как только появилась у них квартира – пусть маленькая, но со всеми удобствами, Рита тут же пожаловала к ним. И не в гости! А насовсем. Оказывается, тётя Валя, устав по ночам гонять её хахалей, о чём трезвонила вся улица, решила отправить Риту в Сочи.

Кира, увидев сестру с чемоданом, думала, что мама приютит племянницу на пару дней, а потом отправит обратно в Кустанайскую область. Но вышло по-другому. Мать встретила Риту с радостью. Отвела в парикмахерскую, купила ей пару симпатичных платьев, после чего поехала в общежитие для лётного состава и устроила её там, поспособствовав давней мечте девушки стать стюардессой. Договорилась, с кем надо, об обучении, и племянница начала осваивать опасную специальность, дающую право носить красивую форму одежды и многие приятные льготы, в том числе пенсионные. Проблем с зачислением не возникло: у Риты оказался превосходный вестибулярный аппарат, здоровое тело, и медицинскую комиссию она прошла легко.

Общежитская жизнь, где царила полная свобода, а любовью грезили все, от прыщавых новичков и до респектабельных выпускников училища, была ей по душе. Со своим бойким нравом и склонностью к лёгким отношениям она в скором времени познакомилась с будущими пилотами, прописанными в этом же общежитии. Честь свою не блюла, поскольку оставила её ещё в бабушкином доме, куда через окошко по ночам к ней лазали знакомые парни.

Словом, Нина Сергеевна и охнуть не успела, как Рита пришла к ней вся в слезах.

– Тётя Ниночка, я… беременна! – расплакалась она. – Кроме вас, мне никто не поможет!

– Хватит реветь! – оборвала её тётка, соображая, как вый-

ти из сложившейся ситуации. – Лучше скажи, кто отец ребёнка?

– Выпускник училища.

– Ну и в чём проблема? Он хоть знает о твоей беде?

– Знать-то знает, да только жениться не хочет.

И Нина Сергеевна помчалась на всех парах сначала в общежитие, потом к начальству бедного парня, в лётную часть, куда он уже успел получить направление. Свадьба, конечно же, состоялась… Так Рита стала не только стюардессой, но и женой пилота. Родила ему сына Дмитрия, долгое время летала сама, чередуя полёты с наземной службой, потом стала получать пенсию. К тому времени сын не только вырос, но уже успешно осваивал аэробусы, пойдя по стопам родителей. Интересно, известно ли ему о пагубном пристрастии матери к воровству?

Как и почему у сестры появилась тяга к клептомании, Снегирёва не понимала. Вроде бы вместе росли, рядом спали на полу, подстелив пару ватных одеял, чтобы было мягче. Но когда и откуда взялась эта зараза?.. Казалось бы, близкий человек, и вдруг выходит, что он совсем не такой, каким ты его себе представляла… Что за ним водится грех, который считается одним из худших грехов, ибо сказано в Библии: «Не кради». А ведь бабушка не раз повторяла внучкам заповеди, чтобы помнили и не грешили, а однажды крестила обеих, пригласив священника.

Это было в эпоху жуткой и оголтелой борьбы с церковью.

А значит, наказуемо, если бы кто-то из соседей написал донос. Но бабушка верила в Бога и не хотела, чтобы внучки остались без Его защиты. Поэтому тайно от всех и провела обряд крещения, когда Кире было семь, а Рите шесть лет. И соседи их не выдали. Помнит ли о том дне Рита? Как священник, шепча молитву, окатил их с головой, прямо на огороде, прохладной водой, зачерпнув её ковшом из цинкового ведра? Воду бабушка заранее набрала из колодца и дала ей постоять, чтобы нагрелась под лучами летнего солнышка. Рита вскрикнула и заплакала, но не потому, что было страшно или холодно, а потому что новенькая рубашка, которую специально для такого случая сшила из белого ситца ей мать, стала мокрой и некрасивой. А Кира не плакала, она была старше сестры на полтора года и знала, что плакать – это нехорошо. Даже если больно, лучше молчать, а то отругают, и будет ещё хуже!

Кириной мамы во время обряда не было. Бабушка надела внучкам по серебряному крестику на шею и сказала, чтобы этот крестик они никому не показывали, а лучше всего спрятали в укромном местечке, но всегда помнили, где он лежит, и в трудную минуту брали его в руки и просили Боженьку о помощи. Кира потом так и поступала.

И рожать Вадика пошла с бабушкиным крестиком, надев его на шею.

Глава 8. Давние метания Глеба Романовича

Глеб Романович сделал утреннюю пробежку к морю.

Активно подышал по методу Стрельниковой, глядя на шустрые, как бельчата, волны; покланялся им, касаясь пальцами рук своих кроссовок, поприседал с огоньком, будто собираясь танцевать гопак.

Море всегда было разным – и по цвету, и по запаху, только не все люди способны это заметить. Иногда оно сияло, как личико спящего младенца, и пахло грудным молоком. А то вдруг сверкало золотыми куполами волн, будто под ними было множество церквей, и тогда от него тёк дух ладана и неведомых благовоний. Но были дни, когда оно грозно темнело и рычало, волны неслись на берег, как стая жадных волков, гонимых голодом, и над морем витал стойкий запах крови.

Размявшись и почувствовав приятную бодрость в теле, Глеб отправился пешком по своему обычному многолетнему маршруту – ко второй семье.

Мила появилась в его жизни ещё до рождения Вадика, двадцать пять лет назад. Она пришла к нему в офис, чтобы предложить себя на должность секретарши. Именно предложить – это было написано на её молоденьком, но уже щедро

раскрашенном личике, запредельно короткой юбчонке, открывавшей великолепный вид на тренированные в бальных танцах ноги. Ей и каблуки-то были не нужны при её росте сто семьдесят три, но туфли на каблуках она всё-таки надела. И сразила Снегирёва наповал. Блондинка с фигурой девочки из элитного ночного клуба вместо должности получила и Глеба, и доступ к его большому кошельку.

В ту пору Глеб служил на государство и был чиновником довольно высокого для края ранга, работал в управляющей компании, имел свой кабинет и приличную зарплату. Он тут же пригласил Людмилу сначала на ужин, а затем в свою квартиру, поскольку жена находилась в санатории на лечении. Тут следует пояснить, что к этому времени Глеб Романович состоял в браке с Кирой уже семнадцать лет, ей подкатывало к сорока, а беременности так и не случилось. По-видимому, сказались голодные и холодные годы её детства и отрочества, когда и образовались стойкие воспалительные процессы в малом тазу, грозящие бесплодием.

А Мила была свежа и податлива, и вовсе не собиралась упускать выпавшего на её долю случая хорошо устроиться в жизни. Встречи продолжались, но уже теперь на тайно снятой Глебом квартире, и через три месяца любовница заявила ему, что ждёт ребёнка. Будущий отец был счастлив. Он знал, что девушка приехала из крошечного посёлка городского типа, расположенного где-то в Красноярском крае, но это его не пугало. Он был уверен, что сможет заработать для люби-

мой всё, тем более для своего ребёнка. Оставалось лишь уладить формальности. А попросту развестись с женой, предварительно вызвав её на душевный разговор.

– Ты же понимаешь, что семья без ребёнка – это не семья, – начал он с больного вопроса, и возразить на горькие слова Кира не могла. – А женщина, которую я люблю, принесла мне радостную весть, что я скоро стану отцом. Ну не могу же я бросить её в таком положении, я же не подлец, сама понимаешь. Тем более что у неё здесь, кроме меня, никого нет. Я обязан теперь о ней заботиться, делить все заботы пополам. Мы должны с ней готовиться к рождению и воспитанию нашего малыша. Ну ты же умная и благородная женщина! – давил он жене на психику. – Я прошу, отпусти меня к ней – спокойно, без всяких скандалов! Думаешь, мне легко далось это решение? Конечно же, нет, не легко! Но другого выхода я просто не вижу!

– А с чего ты взял, что я тебя держу? – пожала плечами Кира и ушла на кухню, чтобы он не видел её лица.

– Ну, тогда я подаю на развод, – повеселел Снегирёв. – Спасибо за понимание!

Уже не терзаясь муками совести, он принялся собирать свои вещи и в тот же день ушёл на съёмную квартиру к Миле. Кира только и успела бросить ему вслед:

– Только не вздумай возвращаться обратно – твоё место уже будет занято!

Сказать-то сказала, а, закрыв дверь, расплакалась…

А потом, совершенно убитая горем, поехала к маме. В те дни Нина Сергеевна была на взлёте своей карьеры – должность начальника паспортного стола города предполагала большие возможности и огромные связи. Мать была на работе. Кира зашла к ней в кабинет – подавленная, зарёванная, ощущая на себе неизгладимую вину в своём несчастье.

– Значит, подаёт на развод? – гневно сверкнула глазами Нина Сергеевна. – Ну, хорошо. Посмотрим, как всё это будет выглядеть на практике.

И, помолчав, спросила, приглядываясь к дочери:

– Что-то ты слишком бледная. На тебе лица нет! Нездоровится? Или расстроилась из-за Глеба?

– Тошнит… И голова кружится.

– Так, – мать прикинула в уме варианты плохого самочувствия. – У экстрасенса была?

– Да.

Нина Сергеевна ещё три месяца назад дала дочери адрес местного светила, к которому обращалось за помощью всё руководство не только города, но и края, и милицейское в том числе. Об этом человеке ходили легенды. Говорили, что он обладал высокой энергетикой, за счёт чего лечил людей и возвращал им здоровье. Кроме того, он серьёзно увлекался астрологией и своё лечение назначал и корректировал после тщательных расчётов, а именно построения гороскопа, необходимого для того, чтобы, как он считал, организм пациента вошёл в космические ритмы с Вселенной и получил

энергетику звёзд.

– И как прошёл сеанс лечения?

– Мы встречались несколько раз. Сначала он выяснил у меня все нужные ему даты – помнишь, я ещё звонила тебе, чтобы уточнить час и минуты моего рождения?

– Помню.

Кира подавила подступающий приступ тошноты, потёрла ладонями виски и продолжила рассказ:

– Потом он составил мой гороскоп, всё высчитал и назвал день и время, когда мне нужно непременно быть с мужем. Благоприятный момент наступал как раз накануне моего отъезда в санаторий – первого мая, с десяти вечера и до двенадцати часов ночи. И он очень меня просил, чтобы я ни в коем случае не упустила эту возможность, иначе придётся ждать ещё целых двенадцать лет, пока снова сложится почти такое же расположение планет, но тогда шансов на зачатие уже будет гораздо меньше.

– Двенадцать лет?! – ужаснулась мать. – Шутишь, что ли?

Через двенадцать лет тебе будет пятьдесят! Какие могут быть шансы у женщины в таком возрасте?! Абсолютно никаких! Скажи, ты сделала, как он тебя научил?

Кира кивнула.

Мать посмотрела на даты в плакатном календаре, лежащем под стеклом на её письменном столе, подсчитала в уме, после чего жёстко потребовала:

– Ну-ка марш к гинекологу! Я сейчас с ней свяжусь, – и,

подняв телефонную трубку, стала набирать нужные цифры.

Пока дочь ездила в поликлинику на консультацию, Нина Сергеевна навела справки о зяте и, выяснив всё, что требовалось, стала готовиться к разговору. Но для начала нужно было узнать, что выявит гинеколог.

– Мамочка, мама! – Кира кричала в трубку в чрезвычайном возбуждении, отчего проглатывала слова, поскольку её душили слёзы. Нине Сергеевне чудилось, что она видит её посветлевшее от радости лицо, дрожащие губы. – У меня… будет… ребёнок! Мама! Ты слышишь? Ребёнок!

Дочь звонила прямо из поликлиники, не в силах удержать в себе нахлынувшие волны счастья.

– Поздравляю, детка. Вот и поставим твоего Глеба на место, – повеселела Нина Сергеевна. Значит, не зря коллеги посоветовали ей этого экстрасенса! Он и впрямь творит чудеса!

Через несколько дней она вызвала зятя к себе на беседу.

Встретила его сидя за своим канцелярским столом, в милицейской форме, на которой сверкали новые полковничьи звёздочки. Нина Сергеевна уже давно имела выслугу лет, перешагнув пенсионный возраст, но с должностными обязанностями справлялась безукоризненно, выглядела не старше, чем на сорок пять, и искать ей замену начальство не собиралось.

– Ты хочешь развестись с моей дочерью? Я рада, – сдержанно кивнула она, в то время как её тон не обещал ничего

хорошего. – Давай сюда паспорт. Ты сейчас же будешь выписан из Сочи и в двадцать четыре часа съедешь с квартиры. Я лично прослежу за этим, чтобы не было никаких задержек.

Глеб ошеломлённо смотрел на неё.

– Я имею право на раздел квартиры, – наконец, обрёл он дар речи.

– Ошибаешься, дорогой зятёк, – съязвила тёща. – Исходя из состава преступления, предусмотренного статьёй 117 Уголовного Кодекса РСФСР, на сегодняшний день ты имеешь только одно право: получить реальный тюремный срок за совращение несовершеннолетней. Ибо твоей Миле всего пятнадцать лет, шестнадцать будет через три месяца, в декабре, вот копия её паспорта, – и она протянула Глебу заверенный нотариально листок.

Снегирёв пробежал глазами злополучный текст, отметающий всякие сомнения в подлоге или недостоверности, и у него живот прилип к позвоночнику от страха и неожиданности.

– Нина Сергеевна, я не думал, что вам всё известно… – он упал духом. – Но клянусь вам чем хотите, я не знал, что ей ещё нет и шестнадцати… То есть до недавнего времени не знал! На вид же – гораздо больше! Лет двадцать – двадцать два. Мне и в голову не приходило, что это не так! А когда узнал, уже было поздно… И потом… она ведь не была девственницей.

– Ну, это, дорогой мой, твои трудности. И ты можешь не

сомневаться, что срок не только получишь, но я постараюсь сделать так, чтобы тебя отправили в лучшее для подобных случаев место. А ты уже парень взрослый, знаешь, что делают в зоне с насильниками.

Глеб знал. Но что такое может приключиться с ним – не могло ему присниться даже в самом страшном бредовом сне.

– Ну, чего ты ждёшь? Давай сюда паспорт, – невозмутимо продолжала Нина Сергеевна и протянула руку, раскрыв ладонь. – Уж лучше пусть Кира родит и воспитывает ребёнка одна, и пусть этот малыш никогда не узнает, что его отец кончил жизнь «петухом» в зоне.

– Простите… Я не ослышался? – ухватился он за соломинку и вперил умоляющий взор в тёщу. – Мне не показалось? Неужели… Неужели вы хотите сказать, что Кирочка ждёт ребёнка?!

– Разве это имеет теперь хоть какое-то значение?

– Имеет! Конечно же, имеет! Нина Сергеевна! Никогда и ни за что я не брошу Киру, если небеса нам послали такое счастье! Я боюсь поверить своим ушам… Неужели это действительно так? Ведь столько лет ждали… И всё напрасно… И вдруг теперь… Боже, какое счастье! Неужели и вправду у нас будет малыш?!

– Во-первых, малыш будет у Киры! А тебе небеса посылают тюрьму, – строгим голосом напомнила ему тёща. – Давай-ка паспорт! Я жду!

– Ну какая тюрьма? Какая статья? – запсиховал Глеб.

– Какая статья? – Нина Сергеевна одёрнула китель и смахнула с погона невидимую соринку. – Статья 117. За совращение несовершеннолетней!

Глеб собрал в кулак всю свою волю и напряг интуицию. Понимал: каждое слово, которое он сейчас произнесёт, будет на вес золота. Сможет либо спасти его, либо утопить окончательно.

– Да поймите вы, Нина Сергеевна! – взмолился он. – У нас с Кирой любовь и полное взаимопонимание! Кира – это человек, с которым можно прожить всю жизнь. А Мила – это пустышка, у неё и образования-то нет! Ничего не умеет – ни шить, ни готовить! Я уже извёлся питаться по столовым! Если быть откровенным, я хотел только одного: чтобы ребёнок родился при мне, при отце, а потом бы всё равно с ней развёлся! Молодость – это ведь ещё не всё. Нужен духовный контакт с женщиной, нужно, чтобы она о тебе заботилась. Ничего этого у Милы нет. И не будет! Это уже понятно! Я бы никогда не женился на ней, если бы не ребёнок, которым она меня теперь шантажирует. Но раз беременна Кира, то я, конечно же, буду рядом с Кирой!

– А как же Мила?

– Я объясню, что буду помогать и ей, и ребёнку материально, если она перестанет шантажировать меня и никогда не станет докучать Кире.

– Нет, зятёк, этого мало.

– Что нужно ещё?

– В сложившихся обстоятельствах я не могу больше доверять тебе. Поэтому предлагаю условия твоего возвращения к моей дочери.

– Какие? Я согласен на все сразу! – торопливо воскликнул Глеб. – Вы умная женщина и плохого не посоветуете, – польстил он тёще.

– Разумеется, – натужно улыбнулась она. – Так вот. Ты перепишешь квартиру, дачу и машину на Киру. Тогда я хоть буду уверена, что при любом раскладе событий моя дочь и будущий внук не останутся на улице без гроша в кармане. Я должна быть уверена, что никто из твоих внебрачных детей не будет судиться с ними из-за дележа имущества, которое ты нажил вместе с Кирой. И это условие должно соблюдаться тобой неукоснительно.

– Вы правы, Нина Сергеевна, – покаянно опустил голову Глеб. – Это будет справедливо по отношению к Кире и нашему с ней малышу. Мы столько лет трудились с Кирочкой вместе, рука об руку…

– Да, и к тому же – чтоб моя дочь не знала о твоих шашнях! Ей нельзя нервничать! Уж будь добр, убереги её от нервных срывов! И помни: ты в ответе за моего внука! – завершила назидание тёща.

Глеб был рад, что удалось избежать тюрьмы, рад, что не потерял прописку. Но только тогда он понял, ощутил на собственной шкуре, какой он ничтожный клоп, несмотря на все свои продвижения по служебной лестнице, по сравнению

с Ниной Сергеевной, работающей на высокой должности в правоохранительной системе.

В тот же вечер он пришёл со своим чемоданом к Кире.

– Я как подумал, что здесь будет жить кто-то другой, так у меня всё внутри оборвалось, – сказал он, пытаясь поцеловать её в шею.

Кира увернулась от поцелуя.

– Ну, не сердись. Я был неправ, – он состроил самую уморительную рожицу, на какую был способен, чтобы жена рассмеялась. И она, как ни пыталась быть строгой, всё же не выдержала, улыбнулась.

– А теперь бери все документы – на квартиру, дачу, машину, бери свой паспорт, и поедем к нотариусу. Я уже договорился, нас там ждут, – продолжал он, стараясь придать голосу торжественность.

– Зачем туда ехать? – подозрительно посмотрела Снегирёва на мужа.

– Оформим всё на тебя. Это всё твоё.

– С чего это вдруг?

– Ты должна быть уверена во мне. Никуда от тебя я не ухожу и уже никогда не уйду. Ну давай, поехали скорее.

«А деньги ещё придут, заработаю… Обеспечу Милу», – убеждал он себя. Но и предположить не мог, что рухнувший Советский Союз погребёт под своими обломками многие его мечты…

Глава 9. Записка

Марина скучала на лекции. Сердитый дядечка в тёмно-сером костюме и крапчатом галстуке читал им курс философии, но преподносил студентам материал не как в учебнике, где рассказывается сначала об одном философе, потом о другом, а выдавал сборную солянку, проще говоря, рассуждал о той или иной философской категории, приводя мысли различных философов на эту тему. И чаще всего цитировал высказывания Канта, которого, по его мнению, каждый уважающий себя человек должен непременно прочитать в подлиннике, и поэтому приводил выдержки из трудов классика на немецком языке. А с немецким у Марины было туго ещё со школьных лет, и в университете она не продвинулась в этом направлении ни на шаг. Потому и скучала, с трудом удерживаясь от зевоты. Ей больше нравилась информатика – там они работали на компьютерах, выходили в Интернет, искали полезные сведения, рисовали блок-схемы и изучали языки программирования.

Девушка училась на первом курсе Сочинского университета. Лекция шла в главном корпусе – длинном трёхэтажном здании серо-белого цвета, которое опиралось на тонкие колонны, как паук на лапки. А внизу у него будто брюхо висит, поблёскивая гладкой поверхностью, – вестибюль за стеклянной облицовкой. Изначально Марина мечтала поступить на

факультет туристического бизнеса, чтобы освоить специальность «Гостиничное дело». Говорят, вполне доходную и востребованную на рынке труда. Хотела претендовать на бесплатное обучение и, конечно же, место в общежитии. Но не так-то просто оказалось набрать проходной ЕГЭ – 155 баллов. Марина с трудом получила только две трети от нужной цифры. Это означало провал и конец далеко идущим планам! Оставалось одно – пойти к проректору, чтобы всеми правдами и неправдами попытаться договориться с ним, проще говоря, разжалобить университетского чиновника.

Обычно в его кабинет стояла толпа народа, но девушке повезло – на этот раз впереди неё нетерпеливо переминались с ноги на ногу только три человека, которые один за другим вскоре пулей вылетели обратно. Впрочем, лица у всех были вполне довольные. Марина приободрилась и смело взялась за ручку проректорской двери. Металл был горячий и скользко-влажный – ещё не успел остыть от предыдущих прикосновений ладонями.

Проректор разговаривал по телефону, и ей пришлось ждать, когда он освободится. За это время она без стеснения успела его разглядеть: сухощавый брюнет с гладко зачёсанными на пробор волосами, щёки впалые, брови отвисшие. У него были нервные тонкие пальцы, возможно, он играл на скрипке.

– Что у вас? – спросил начальник, положив трубку и хмуря бледный лоб: понимал, что она пришла с просьбой. А с чем

же ещё к нему ходят, как не с тем, чтобы вымаливать разного рода поблажки?

– Видите ли… Мне не хватило баллов, чтобы поступить на «Гостиничное дело», – тихо выдавила из себя Марина и затеребила в руках скомканный платочек.

– А какой у вас ЕГЭ?

– 104.

– Девушка, ну о чём может идти речь? И слышать ничего не хочу!

– А можно, чтобы мой результат засчитали на другом факультете? Там, где он подойдёт?

– Минутку, – проректор взглянул на лежащий рядом с ним на столе листок. – Так, – поскользил по нему ищущим взором. – Хм. Очень даже хорошо. И ЕГЭ подходит, – пробормотал вроде как для себя, но так, чтобы Марина услышала. – Могу предложить Социально-педагогический факультет. Там прекрасные преподаватели! Психология устроит? – и, не дожидаясь ответа, добавил, чтобы подтолкнуть её к выбору: – Вполне достойная профессия. Кстати, многие бизнесмены обращаются за советами к психологам. Ну как? Согласны?

Марина любила психологию, но не настолько, чтобы сделать её своей основной кормилицей на всю жизнь.

– А другого варианта нет? – спросила с надеждой, кротко глядя в лицо вершителю её судьбы.

– Она ещё и недовольна! – фыркнул чиновник. – Девуш-

ка! Если бы вы набрали хотя бы 106 баллов, я предложил бы вам… ну, скажем, обучаться специальности «Реклама и общественные связи». К сожалению, в вашем случае это отпадает. Ничего не поделаешь… Не я зарабатывал баллы, а вы. Но есть и другое решение проблемы.

– Какое же? – ухватилась за ниточку Марина.

Выдержав многозначительную паузу, он объявил:

– Прийти на следующий год.

– На следующий год?! – оскорбилась Марина. – Вы не представляете, что для меня значит – не поступить в университет сейчас!

Проректор лишь развёл руками. Мол, рад бы помочь, да порядки строгие.

– Если позволяют финансы, можем взять вас на коммерческой основе, – бесстрастно продолжал он. – На «Гостиничном деле» стоимость обучения составляет 64 тысячи в год, на «Рекламе» – 30 тысяч, то есть цены вполне доступные.

Марина расплакалась.

– Вам легко говорить! – начала психическую атаку она, вытирая платочком обильные слёзы. – А как я буду оплачивать своё обучение? Ведь у меня родители пенсионеры! Мы приехали из Семипалатинска. Переселенцы! У мамы рак, ей вырезали всё, что могли, дали инвалидность. Живём в станице, в ветхом домишке без воды и отопления.

– Вы что, ещё и общежитие у меня хотите выпросить? – проректор выпрямил спину и расширил глаза, став похожим

на идола с острова Пасхи.

– Нет, ну что вы! – испуганно замахала ладошками Марина. – Только бесплатную учёбу! А то мама не переживёт такого удара, если я не поступлю!

– Хм… А справки есть, что семья в бедственном положении?

– Есть! Я сдала их в деканат… Они в моей папке лежат, с документами!

– Так… – чиновник задумчиво постучал карандашиком по столу. – Что-то мне эту папку не приносили… Я бы её запомнил. Но места в общежитии у нас и в самом деле нет, всё уже занято… Надо было раньше хлопотать об этом. А теперь уже поздно. – Он вопросительно взглянул на абитуриентку: – И как же вы собираетесь выходить из положения?

– Пока не знаю, – смутилась Марина. Но тут же воскликнула с воодушевлением: – Я найду работу, сниму с кем-нибудь вдвоём или даже втроём недорогую комнату… Обещаю вам! Я смогу! Я всё выдержу, любые трудности! Только позвольте мне учиться! Ну подумайте сами, мне же надо заботиться о будущем уже теперь! Нужно получить специальность, чтобы помогать родителям! Сейчас я после школы, и то не набрала необходимых баллов, а что будет на следующий год? Вдруг сдам экзамены ещё хуже? И к тому же… Кто знает, может, маме ещё и дальше предстоит лечиться! И дом как-то надо ремонтировать, он требует огромных денежных вложений!

Проректор крутил в пальцах карандаш, словно не зная, куда его применить. Марину не перебивал, дав ей возможность излить свои чувства и опасения. Ему не раз приходилось выслушивать нечто подобное от абитуриентов. Взывают к милосердию, обещают учиться на совесть, лишь бы взяли в университет, а потом бьют баклуши, и заканчивается всё банальным отчислением. «Многие сделались жестокосердными, потому что раньше были сострадательны и не раз обмануты», – заметил немецкий философ Кант, и проректор был согласен с ним. Тем не менее, сам он пока ещё не ожесточился вконец, и строгость его была скорее напускной.

– А что, у вас никого больше нет, кроме родителей? – спросил он, когда девушка замолчала.

– Есть брат, он только что вернулся из армии, ещё не успел устроиться на работу.

– Почему?

– Мы же здесь никого не знаем! Ни родных, ни знакомых – нет! А везде нужны связи. Помочь никто не хочет. Некоторые прямо говорят: «Чего приехали? Кто вас сюда звал? Сидели бы себе в своем Казахстане…» Но он устроится! Обязательно устроится! – заверила она с самым серьёзным и решительным видом.

– Ну, ладно, – неожиданно смягчился чиновник, посмотрев на часы в деревянном футляре, которые висели на стене кабинета как символ ушедшей эпохи. Наверное, его ждали срочные дела, а Марина могла затянуть свою жалобную пес-

ню ещё надолго. – Хорошо. Поступим так. Пока зачислим вас на специальность «Реклама и связи с общественностью». Там проходной ЕГЭ, как я уже говорил, 106, но уж как-нибудь пойдём вам навстречу.

– Реклама? Но это же совсем другое направление! Не имеет никакого отношения к гостиничному делу! – захныкала Марина.

– Смотря как на это посмотреть, – не согласился с ней проректор. – Каждая гостиница нуждается в профессиональной рекламе! И это прописная истина! К тому же я возьму вас на бюджетное место, вы станете бюджетницей! А на «Гостиничном деле» свободных бюджетных мест нет. Пока нет! – он поднял указательный палец вверх, привлекая её внимание: – Зато потом, после первой сессии, если вы будете успешно учиться, я помогу вам перевестись на эту специальность. С «Рекламы» это проще сделать, чем с «Психологии». Только, чур – не отлынивать! Занятия не пропускать! А если рекламное мастерство вам придётся по душе, и вы проявите талант в этой области, то в скором времени сможете ещё и подрабатывать.

– Спасибо! Сердечное вам спасибо! – Марина вытерла слёзы и пролепетала что-то ещё в знак глубокой благодарности за содействие, оказанное ей.

Университетский начальник улыбнулся и неожиданно расщедрился на новое обещание.

– Я буду следить за вашей учёбой, – сказал он, – и, если

вы меня не подведёте, при первой же возможности выделим вам общежитие, в порядке исключения, конечно. Учитывая материальные трудности семьи. Вам ясно?

Такого подарка Марина даже и не ожидала.

– Я постараюсь, Игорь Олегович! – вспомнила она имя и отчество замечательного начальника.

– Уж постарайтесь, пожалуйста! Сделайте одолжение! Кстати, как ваша фамилия?

– Зубанова. Марина Зубанова.

Так она была зачислена в университет. Проректор сдержал своё слово. И Марина не только заняла бюджетное место, но и стала получать стипендию. Родители обратились в отдел соцзащиты за финансовой помощью, и прислали ей денег на первое время, чтобы она смогла снять комнату. Но она уже придумала, как подрабатывать – делать за других контрольные задания. В любом учебном заведении всегда найдутся такие студенты, которые просто числятся, а нужные работы кому-то оплачивают. Да и с рекламой можно было попробовать…

Лектор терзал аудиторию своей монотонной речью, и некоторое время Марина пристально рассматривала родинку на его лбу. Крупная и пористая, она была похожа на бородавку, и на ней росли мелкие чёрные волоски. «Надо же, какая большая вымахала!» – подумала девушка и представила, что родинка будет расти, расти, и… превратится в рог, как у циклопа или у единорога! Ей стало смешно, и она тихонько

хихикнула, стараясь не привлечь внимания соседей. Но девчонки и парни, похоже, слушали лектора взапой… Неужели что-то понимали? Не зная, как убить время – а до конца лекции ещё был целый час, – она вынула из сумки мобильный телефон.

«Я так соскучилась!» – послала Вадику сообщение.

И получила ответ:

«Уже?!»

«Скорее бы наступил вечер!»

«Я тоже жду этого часа».

«Ты пообедал?»

«Да, съездил домой».

«Что ел?»

«Мама сварила борщ. А на второе сделала жаркое».

«Везёт же некоторым! А я с утра торчу на лекциях. Сейчас философия».

«Твой любимый предмет?»

«Смеёшься, да? Ты же знаешь, что я люблю психологию».

«Прости, перепутал. А как ты относишься к Фрейду?»

«Да мы его ещё не проходили! Но думаю, что в его учении есть немалая доля истины».

«А я считаю, что он просто зациклен на сексе. И рассматривать все мировые процессы только с этой точки зрения – полный абсурд и увод в сторону от настоящих проблем. Если в далёкие времена Троянская война началась из-за любви к женщине, прекрасной Елене (и секс сюда ещё можно при-

плести), то сейчас войны идут за территории, сферы влияния и за природные ресурсы».

«Какой ты у меня умный! Напиши диссертацию!»

«Может, когда-нибудь и напишу. А пока другие дела не дают».

«Какие?»

«Да те же физиологические потребности!»

«Гормоны шалят? Выходит, старик Фрейд был прав?»

«В конкретном случае – несомненно!»

«Встречаемся, как договорились?»

«Да! Жду тебя! И даже очень!»

«Целую, любимый».

«И я тебя!»

«А куда именно целуешь?»

«Увидишь».

«Ну, пока!»

«Смотри, не заблудись!»

Марина знала – слышала от старшекурсников, – что главное – продержаться первые два года, потом будет легче, преподаватели уже смотрят на студентов как на будущих выпускников и несильно придираются на экзаменах и зачётах. И последние четыре семестра пролетают, как ураган, оставляя после себя обломки прошедших лет, на которых строится здание будущей взрослой жизни.

Кто-то сзади легонько тронул её за плечо. Марина обернулась – парень из соседней группы протянул ей записку.

– От кого? – прошептала она.

– Не знаю. Попросили передать.

– Это точно мне?

– Да.

Марина развернула сложенный вчетверо клочок бумаги.

«Скучаешь, принцесса? Может, сходим в кино?» Подписи не было. «Кто бы это мог быть? – ломала она голову. – Может, из девчонок кто-то подшутил? А ведь могут, те ещё крокодилицы… Особенно если меня с Вадиком видели. Небось, только и думают, как бы меня сожрать с потрохами, а Вадика себе присвоить».

Хотела обернуться, нащупать глазами, чья это работа – но не стала, а только демонстративно порвала записку в клочья. Ближайшая к ней соседка вытащила из кармана своей куртки две конфеты в бумажной обёртке нежно-зелёного цвета с золотистым рисунком. «Белочка! С орешками!» – у Марины потекли слюнки. Она с утра ничего не ела, и в желудке словно буйствовала метель, обжигая чем-то едким.

– Возьми, – шепнула соседка и протянула ей одну конфету, а вторую положила себе в рот, сняв обёртку.

– Спасибо! – просияла Марина. И повторила с улыбкой: – Огромное спасибо!

Как хорошо, что ещё не перевелись люди, готовые подать руку помощи!

Глава 10. Вторая семья

Они родили почти одновременно – Мила девочку, а Кира – мальчика, как и напророчила Нина Сергеевна. Узнав, что у Глеба уже есть сын от законной жены, Мила решила рискнуть снова, чтобы связать любовника по рукам и ногам общим сыном – но не повезло, опять родилась дочь.

Испытывать судьбу в третий раз она уже не захотела – времена настали другие, Снегирёв потерял и должность, и былые заработки. В однокомнатной съёмной квартире она жила теперь не только с дочками, но и с матерью, которая приехала из Сибири специально, чтобы помогать ей справляться с детьми. В связи с переменой в статусе Глеба Мила к нему заметно охладела. Но всё ещё предпринимала попытки рассорить супругов.

Если Кира с сыном была в отъезде и Глеб приводил свою незаконную жену к себе домой, то она непременно старалась оставить следы своего пребывания здесь: то помадой соперницы попользуется, да так, чтобы это было сразу же заметно, то свои волосы в ванне и по всей постели раскидает. А однажды, когда Вадику уже было около семи лет, нарочно перевела часы, чтобы Глеб не знал, сколько на самом деле времени – ей хотелось, чтобы Кира застукала их «на месте преступления» и подала на развод. Но и тут фортуна оказалась на стороне законного брака. Когда Кира стала откры-

вать своим ключом дверь, Снегирёв, услышав это, успел забрать из коридора Милины вещи – сумку и обувь, после чего встретил жену, как ни в чем не бывало, у порога. Проводил её до ванны, где она собиралась помыть руки, запер дверь и держал до тех пор, не давая выйти, пока Мила не выскочила на улицу…

– Почему ты меня закрыл! – возмущённо кричала Кира. – Ты кого-то прятал? Свою зазнобу? Не хотел, чтобы я увидела её?

– Да я просто пошутил, – засмеялся Глеб в ответ. – Ты же знаешь, кроме тебя, у меня никого нет.

– Да? А почему тогда сегодня утром мне позвонили и сказали, что у тебя есть другая жена и ты с ней часто появляешься в обществе? И что её дети состоят на учёте в нашей поликлинике?

– Да тебя кто-то просто разыграл, а ты и поверила. Пойми же, нас специально хотят поссорить, разве ты не видишь? Кира! Я тебя прошу! Не верь никаким глупостям! Я тебя ни на какую другую женщину не променяю. Ты моя законная жена, и будешь ею всегда. Ясно? И хватит об этом. Лучше скажи, где Вадик? Почему он не с тобой?

– Я оставила его в Детском центре, у него урок танцев. Через полчаса пойду за ним.

– Сходим вместе, – предложил Глеб. Но не потому, что хотел пройтись с ней, а подозревал, что завистливая Мила будет подкарауливать её на улице, чтобы заявить о себе. Кира

уже не раз жаловалась ему на звонки – неизвестные «доброжелательницы» сообщали ей всё новые и новые факты, подтверждающие наличие у него другой супруги, якобы настоящей.

Снегирёв оказался прав в своих опасениях. Едва они вышли на улицу, как он тут же заметил Людмилу. Чуть пропустив жену вперёд, он обернулся и подал «зазнобе» знак, сурово покачав пальцем: мол, не смей! Только хуже будет! И прежде всего тебе самой! Что и говорить, Мила изо дня в день выказывала такую агрессию по отношению к законной семье Глеба, что он уже и не рад был внебрачной связи. Только теперь он понял истину: чем ниже интеллект женщины, тем больше она о себе мнит и тем больше для себя требует, потому что мозг её зациклен только на требованиях. О том, что надо что-то и взамен давать – такого и в мыслях нет.

Многие ругают времена перестройки, но Глебу Романовичу они помогли избавиться от ощущения своей исключительности и всемогущества, другими словами, спустили с небес на грешную землю. А Милу заставили призадуматься о будущем. Но не сразу. Сначала она, всё ещё обуреваемая ненавистью и будучи подшофе, однажды позвонила Снегирёвой.

– Я тебя оставлю ни с чем! – визжала в трубку. – Глеб вышвырнет тебя на улицу.

– Не дождёшься! – ответила Кира.

– Это ещё почему?

– Да потому, что всё записано на меня. И квартира, и дача, и машина.

– Вот сволочь! – прошипело с такой яростью, что Кира поскорее нажала на рычаг и отключила телефон, выдернув шнур из розетки.

А Мила получила хорошую оплеуху от судьбы и поняла, что глупо рассчитывать на чужой пирог. Надо, чтобы пеклись новые пироги… И если Глеб не в состоянии их печь, то самое время искать себе другого поклонника, а то бабий век короток, как бы не опоздать с устройством хорошей жизни.

…Снегирёв взбежал по лестнице на третий этаж, позвонил в знакомую дверь.

Сколько лет он уже сюда звонит. Исхитрился-таки купить Милке квартиру, утаив от законной жены, но осилить смог только однокомнатную. Что делать, возможности не те. По большому счёту, не квартира, а ночлежка, но могло бы и того не быть. Зато им повезло с вместительной лоджией, которую они превратили стараниями бригады народных умельцев в полноценную комнату – застеклили, провели отопление, настелили деревянный пол, утеплили стены. После этого тут безвыездно поселилась сибирская тёща, да и девочкам было, где спать.

Мила открыла дверь. Теперь «зазнобе», конечно, уже далеко не шестнадцать, а все сорок. Всё так же обесцвечивает волосы, как и прежде, располнела, но не до безобразия. И косметикой научилась пользоваться умело, как и одевать-

ся со вкусом. Мужикам такие нравятся. И дочки выросли, невесты на выданье.

– Здравствуй, дорогая! – поприветствовал её Глеб, проходя в прихожую.

Он уже давно занимался частным бизнесом, что позволяло самому формировать свой рабочий день и бывать у Милы довольно часто. Иногда он говорил Кире, что уезжает в командировку, а сам проводил эти дни со второй семьёй. Сослаться на командировку было несложно – в качестве общественной нагрузки Снегирёв курировал Краснодарский край от лица политической партии, членом которой состоял, входя в состав ревизионной комиссии. Под такой благовидной ширмой он умудрился уже несколько раз съездить с Милой на курорты Египта и Турции.

Как всё-таки удобно иметь двух жён! Одна кормит и обслуживает, другая же даёт всё прочее, необходимое мужчине для счастья. Кира вообще была идеальной спутницей жизни, на которую можно было положиться и в болезни, и в безденежье. Когда ещё работала, то получала достойную зарплату, которую вносила в семейную копилку. Потом раньше его стала получать пенсию, и у Глеба всегда была возможность без зазрения совести лгать ей, что ему никак не удаётся ничего заработать, столько сил тратит на переговоры, вроде уже всё на мази, а в самый последний момент неожиданно всё срывается. Да не срывалось, конечно! Просто Снегирёву позарез нужны были деньги для обеспечения второй семьи, и

он вынужден был изобретать любые способы их добычи.

Вот и сейчас он пришёл к Миле с известием, что удалось обстряпать одно дельце, получить задаток, и на эти деньги он собирается взять две путёвки на Кипр – для себя и для неё.

– Там и отметим твой день рождения, – радостно улыбался он. – Это будет мой тебе подарок.

Он ожидал, что она расцелует его и зальётся счастливым смехом, как это было когда-то, но ошибся.

– Это ты себе делаешь подарок, а не мне, – наморщила она свой точёный носик. Сказала, вроде бы, с подколом. Или всё же всерьёз?! И продолжала: – Ты же тоже поедешь! И не с какой-то там кикиморой, старой и толстой, а со мной! Чтобы там меня выгуливать под ручку, у всех на виду, поглаживая по талии, по спинке. Ведь с такой женщиной, как я, не стыдно появиться хоть в ресторане, хоть на пляже. А здесь я снова буду ходить на пляж одна.

– А ты что, без меня мечтала бы поехать? – не удержался от укуса Глеб, но замаскировал недовольство, придав тону напускную игривость.

Людмила не уловила его обиду, а может, специально решила подразнить его. А что – пусть терпит, уж коль уготовил ей жизнь матери-одиночки.

– Во всяком случае, такой вариант бы не отвергла, – обронила она.

– То есть ты подарком недовольна?

Мила пожала плечами.

– Честно говоря, я рассчитывала на деньги, потому что присмотрела себе золотое колье. А теперь получается, что колье не будет.

У Глеба нервно дёрнулось веко. Всё ей не так. Хотя, если разобраться, чем ей плохо живётся? Он старается помочь ей всем, чем может. Заболеет её мать – везёт по врачам. Нужно устроить в институт дочерей – пожалуйста, только выбери, куда. Работу им подыскать – он тут как тут, со своими связями. И за всё это время ей не пришлось ни рубашку ему постирать или погладить, ни проявить какую-либо другую о нём заботу. Она всегда жила для себя. Ни дня нигде не работала. Да и кто её возьмёт на работу, если у неё нет ни образования, ни умения что-то делать? А желания трудиться и того меньше! Один лишь гонор! Потому она и ухоженная, что тратит время и силы только на свою внешность. Даже детьми занималась не сама, а привлекла к этому делу бабушку, для чего та и приехала из Сибири.

А Кира… Кира – настоящая жена, воспитанница советских времён: и шьёт, и вяжет, и заготовки на зиму делает, и весь дом на ней держится, и дача тоже. О себе бедняжке и подумать-то некогда.

Когда Глеб ушёл от неё, по глупости, к Милке, в первые же дни почувствовал разницу между ней и Кирой. Кира была умной и работящей, заботливой, совестливой. Сама и в магазин сходит за продуктами, и еду сготовит. Завтрак, обед, ужин – всё свежее, вкусное. Постельное бельё и одежда – все-

гда чистое, наглаженное. А Мила искала от жизни только радости.

Домашние дела мгновенно скинула на Снегирёва. Мол, я вынашиваю твоего ребёнка, так будь добр, заботься обо мне. Обслуживай, носи на руках и обеспечивай деньгами. Такая вот барская позиция. И откуда столько спеси?

А теперь угадываются и первые признаки того, что он ей уже не особенно-то и нужен. Да и что с него взять, если у него теперь даже офиса нет, всю работу делает дома, за компьютером? Да ещё и зарабатывает от случая к случаю! Может, присмотрела себе кого-нибудь? Молодого и богатого? Так пусть не скрывает! Ему от этого только легче станет! Перестанет себя корить за её неудавшуюся, как она ему твердит, жизнь.

Но Милка хитрая стерва. И жадная. Даже если и заведёт другого мужика, всё равно будет тянуть с обоих. Своего не упустит.

– Как девочки? – Снегирёв решил переменить тему разговора.

– Нормально. Лариска замуж собралась. Хотела сегодня тебя со своим избранником познакомить.

– Что же ты меня не предупредила? Я бы оделся иначе. А то не совсем удобно.

– А удобно, что дочь родилась не в браке?

– Ну вот. Опять двадцать пять, – Глеб начинал сердиться. – Я же признал отцовство. В свидетельстве о рождении

записаны и мать, и отец. Что ещё нужно? Лучше расскажи, что за избранник?

– Сам увидишь. Они скоро подъедут. Лара звонила.

– Подъедут на чём? На такси?

– На его машине.

– А марку знаешь?

– «Рандж Ровер».

– Подержанный?

– Потерпи. Увидишь.

– Что за секретность? Не понимаю… – Глеб развёл руками и принялся бесцельно бродить по комнате.

Мебель здесь не менялась уже лет десять, но выглядела неплохо: добротный диван, два кресла к нему, обтянутые ещё не потёртым велюром. Рисунок цветочный, с преобладанием болотно-коричневых тонов, разбавленных розовым. Не самый модный, но сойдёт. Стол на восемь персон, стулья. Вместительный шкаф с раздвижными дверцами. Набор всевозможных тумб для телевизора, видеотехники и хранения всякой всячины; навесные шкафы со вставками матового стекла, сквозь которое просвечивали предметы дорогой посуды и диски с кинофильмами. Скромно, но не бедно, и вполне достаточно для того, чтобы приятно провести время, если захочется побыть дома, вместо того чтобы прогуляться вечером по набережной или, к примеру, сходить на концерт.

Под окном послышался шум подъехавшей машины. Людмила подошла, взглянула сквозь тюлевую занавеску.

– Они!

Снегирёв тоже решил посмотреть – и на машину, и на будущего зятя. «Модель из последних», – отметил про себя. Уже хорошо.

– А кто это за рулём? – чуть ли не с ужасом спросил он у Милы.

– Как кто? Будущий муж! – усмехнулась она.

– Китаец?!

– Ну и что из того, что китаец? – фыркнула Милка. – Китайцы тоже люди. И страна их сейчас одна из самых богатых в мире.

У Глеба глаза как вылезли на лоб, так в таком положении и остались.

– Вы что, совсем рехнулись? – только и смог выдавить из себя он. – Мою дочь, красавицу, выдать за китайца?!

– Так, папаша! – прикрикнула на него зазноба, и ноздри у неё зловеще вздулись. – Слушай меня внимательно. Либо держи себя в руках, либо немедленно покинь этот дом! Нашёлся тут советчик! Без тебя разберёмся! И чья бы корова ещё мычала!

– Ну вы точно чокнулись! – мгновенно осип Снегирёв. – Может, младшую за африканца выдашь?

– И выдам, если богатый найдётся! А кто чокнулся, это мы ещё посмотрим, – урезонила его Людмила. – И портить молодым праздник я тебе не позволю. Либо уходи, если не хочешь нормального общения с семьёй, либо встречай гостей,

как подобает – с улыбкой и добрыми словами!

– Ага! Ещё и с песнями! – огрызнулся Глеб.

В дверь уже звонили, и препираться дальше не было смысла. «Теперь понятно, почему они всё время темнили, – желчно подумал он о Милке и её мамаше. – Сколько раз спрашивал, где Лариса, так отвечали, что на свидании. А с кем – хитро помалкивали! Вот стервы!» Убитый и оплёванный – ему почти физически чудились плевки на его душе – он поплёлся к двери, прячась за спиной зазнобы.

Глава 11. Избранник дочери

– Амы вас заждались! – зазвенел приторно-сахарный голосок Милы. – О! Какие чудесные цветы!

Китаец просиял от похвалы, вручив ей огромный букет свежайших алых роз. Ростом жених был чуть выше ста семидесяти, худосочен, но аккуратно подстрижен и одет.

– Это к столу, – сказал он, держа на весу объёмистый пакет, в котором звякнули бутылки.

– Глеб, прими угощение, – Мила обернулась, призывая кричащим взором, чтобы тот побыстрее взял ношу. После чего представила его китайцу: – Это Глеб Романович, Ларочкин папа. Прошу любить и жаловать. А это Лао, что по-русски можно перевести как Лёва.

– Да, да, Лёва. Совелшенно велно, – картавя, поддержал её китаец. Говорил он по-русски вполне сносно.

– Нет уж, я лучше буду звать Лао, – открестился от русского варианта Снегирёв. Помялся, но всё же протянул правую руку для пожатия. Ладонь китайца была костлявая и шершавая, однако ногти отполированы. Белки его узких глаз отливали лёгкой желтизной. «Эге! А у парня уже пошаливает печень», – отметил про себя Глеб. К положительным характеристикам будущего зятя отнёс фирменный костюм синего, с благородным отливом, цвета, белую рубашку и чёрные туфли от Кензо.

Следом за китайцем в комнату протиснулось женское звено – обе дочери и массивная сибирская тёща. Последняя тут же поспешила на кухню и засуетилась там с закусками. Оказывается, она ещё вчера подготовила жареные баклажаны и холодец, спрятав их в холодильнике, промыла листовую зелень, овощи и фрукты. И теперь что-то из этого торопилась разложить по вазам и тарелкам, другое намеревалась использовать в салатах. Младшая дочь, Лиза, подключилась к хлопотам, чтобы помочь бабуле. Глеб сразу же заметил обновки на дочерях – однотонные юбки с пиджаками, которые можно надеть и в офис, и на деловую встречу, сменив аксессуары.

Ни Ларе, ни Лизе не достались такие длинные ноги, как их матери, но девушки производили приятное впечатление: миниатюрные, личики с правильными чертами, фигурки, как у гимнасток. А вот чем обе уж точно могли гордиться – так это густыми, как у отца, волосами цвета чёрной смородины и красивой белозубой улыбкой. Лиза была чуть выше ростом, чем Лариса, и предпочитала носить причёску «конский хвост», подчёркивая тем самым тонкую шею. Её сестра, напротив, любила носить распущенные волосы, они словно струились с плеч до талии, прикрывая плечи.

Тем временем в комнате шла светская беседа.

– Ну как вы там разместились? Хорошо? Всем удобно? – спросила Мила у Ларисы и, не дожидаясь ответа дочери, пояснила Глебу: – Лёвочка купил роскошный дом на берегу моря.

И предложил там жить не только Ларе – ей это само собой разумеется, – а ещё и Лизе, и моей маме. Дом слишком большой для двоих, рассчитан на большую семью. И они уже провели в этих хоромах первую ночь – все вместе, по-родственному.

– Да, мама. И нам всё очень понравилось, – кивнула Лариса и накрыла своей рукой руку Лао, благодарно ему улыбаясь.

«Ага. Значит, эту ночь Милка провела одна, – дошло до Глеба. – Но вот одна ли?»

– Надеюсь, вы не будете там в роли прислуги? – строго продолжала она вопрошать дочь, но Глеб чувствовал подтекст – ей явно хотелось похвалиться перед ним выбором Ларисы.

– Ну что ты, мамулечка! Лёва уже нанял целый штат обслуги: два повара, которые будут работать посменно, три уборщицы – по одной на этаж, садовник.

– А позже будет и няня, – добавил китаец, изображая добродушную улыбочку, но при раскосых глазах улыбка всегда кажется хитрой. Держал себя он независимо и несколько чопорно – так обычно себя ведут удачливые бизнесмены.

– И когда же свадьба? – заострила вопрос на главном Людмила.

Лариса полезла в свою сумочку, вынула оттуда пригласительные билеты.

– Вот, – сказала она, называя дату. – Ресторан «Огни мо-

ря», в 18–00. Часть билетов Лёва уже раздал в компании, где работает, а это для родственников и ваших друзей, – она распределила билеты между матерью и отцом.

– А когда церемония бракосочетания?

– В тот же день, в 10–00 утра.

«Всё уже решили, и без меня», – кольнуло Глеба, но он сделал вид, что ничего не случилось, и в упор посмотрел на претендента в зятья:

– А где вы работаете?

Лао назвал известную группу компаний, поставляющую китайские товары по всей России.

– И кем же, если не секрет? На какой вы должности?

– Я владелец дочелнего пледплиятия «Китайский мил». Снегирёв ошеломлённо кивнул. Имея такой бизнес, как «Китайский мир», можно себе позволить и богатый дом купить, и держаться независимо. И он вдруг понял, что у этого китайца было почти всё: деньги, положение в обществе, дом, машина. Не было только семьи в России, в которую бы он влился как полноправный член и закрепился здесь, пустил глубокие корни. И он эту семью, уже можно считать, получил, легко обойдя соперников в виде российских парней, которые, будучи ему ровесниками, не имели той материальной базы, которая была у него.

Глебу стало обидно за своих соотечественников. Неужели, если бы нашёлся достойный конкурент-россиянин, Лариса выбрала бы китайца? «Неважно, кто ты – главное, ка-

кую создашь мне жизнь, какие материальные блага сможешь дать», – примерно так, наверно, рассуждала сейчас нынешняя молодёжь и его дочери в том числе, прибегая к всевозможным уловкам, чтобы вырваться из нищеты на более обеспеченный уровень жизни. Одни идут в криминал, другие берут взятки, третьи выходят замуж за мешок с деньгами. А что делать тем, кто честен, не бандит, не взяточник, не пристроен на хлебном месте? А если при этом ещё и некрасив от природы или уже немолод?..

Глеб чувствовал себя, как кедр с обрубленной кроной. Он, столько сделавший для обороноспособности страны, он, кому в своё время трясли, пожимали руки в искренней благодарности за его ум и высокопрофессиональный подход к решению задач маститые генералы, маршалы и министры, – в данный момент он и тягаться не мог в материальных возможностях с этим молодым китайцем. Справедливости ради стоит отметить, что многие соратники Снегирёва получили в итоге ещё меньше, чем он, но Глеб оценивал себя по другой шкале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.